

(2.5 п.л.)

Олег ПЕТРОВ

НОЧИ ЗАПАХА КРОВИ

документальная повесть

Вместо эпиграфа

...Я считаю своим долгом сообщить Центральному Комитету ВКП(б), Вам, товарищ СТАЛИН, о проделанной в УНКВД по Читинской области той вражеской работе, которая частично вскрылась, но продолжает иметь место до настоящего времени, проводники ее – вольные или невольные враги, я не знаю. Произведут расследование, найдут настоящего врага.

За время 19-месячного нахождения в тюрьме о очень много видел и слышал, какую провокационную работу проводили враги Хорхорин, Видякин, Врачев, Перский и подобные им типы.

Г.П. КУСМАРЦЕВ.

19 сентября 1939 г.

1. Стучат не только колеса...

I

На вокзал Григорий жену не взял, не хватало еще этих телячьих нежностей на перроне: слезы-платочки, поцелуи-вздохи, запоздалые упреки, бесполезные советы-напутствия... Всего и дома хватило, еле успел к отправлению.

На подножку вагона, разгоряченный и раскрасневшийся от изрядного «посошка на дорожку», вскочил привычно, по-военному лихо, отшутился с насупленным проводником, молодецкато заполнил дверной проем купе:

– Боевой привет бравым сталинским соколам! – Попутчиками оказались два молодых политрука, с крылышками в окантованных голубым петлицах. Ответили на приветствие серьезно и с достоинством. Один из авиаторов освободил для Григория нижнее место, пересев к товарищу. За вагонным стеклом все быстрее и быстрее замелькали станционные сооружения Иркутска.

– Далеко путь держим? – Улыбка не сходила у Григория с лица.

– До Читы мы, – отозвался один из попутчиков.

– К месту службы или в командировку? – Политруки разом кивнули, соглашаясь с последним.

– Часом, не из Иркутской авиашколы? – Григорий покровительственно рассмеялся, увидев, как молодежь переглянулась. – Правильно, хлопцы,

бдительность – прежде всего! Всё в норме, авиация! Я этой бдительностью и заведую. Давайте знакомиться. Начальник отдела государственной безопасности Читинского управления НКВД лейтенант госбезопасности Кусмарцев. Григорий. А можно и попросту – Гриша, какие наши годы!

– Гаврилов Николай.

– Буценко Александр.

– А по сколь стукнуло, орлы?

– Мы с четырнадцатого года оба...

– Ага, папашки перед империалистической войной сделали! Червонец у нас разницы. Но – ерунда! До полтинника – всё молодость. Так я не ошибся, из авиашколы?

Политруки согласно закивали головами, заулыбались догадливости Григория. Он это заметил, доверительно наклонился к попутчикам:

– Я два года в Иркутске проработал, в Особом Отделе, а с октября, вот, на повышение в Читку переведен. – С видом знатока пояснил: – В связи с разделением Восточно-Сибирского края на Иркутскую и Читинскую область. Огромные пласты работы!

Григорий многозначительно раскинул руки, наглядно демонстрируя эти пласты и устало добавил:

– Обстановка архисложная, а кадры... Эх, да что говорить... вы же политработники, сами в курсе – незрелости политической хоть пруд пруди!

– Вы – в смысле населения? – осторожно полюбопытствовал один из политруков.

– Когда бы только среди простого народа... – по-прежнему устало-горьким тоном откликнулся Григорий. Перешел на громкий шепот: – В железных чекистских рядах ржавчины хватает! Что глаза округлили? Есть субчики! Напролезали и окопались в органах в свое время! Или, думаете, враг народа Ягода не имел своей паучьей сети? Еще какую! Понятное дело, большую прорву этих сук мы выявили, но некоторые затаились...

От зловещих нот в шепоте Григория попутчики невольно поежились.

– Ничего... И до них доберемся... Чека не дремлет! Вот, в той же Чите... Еще по лету такое гнездо вскрыли – ого-го! Сам начальник оперсектора... вот так, хлопцы... – на еще более многозначительной и зловещей ноте закончил свой монолог Григорий, ворочая в пересохшем рту непослушным языком. Сильно захотелось пить.

Бросил взгляд на столик в поисках стакана и внезапно хлопнул обеими руками своих попутчиков по туго обтянутым синей диагональю коленям:

– А чего это авиация попритихла? В Читку-то надолго?

– Двадцать седьмого обратно...

– Повезло вам, братцы, – Новый год дома встретите. А я... – Григорий сокрушенно махнул рукой. – К жене на побывку приезжал, за три месяца второй раз... Целых два дня дали! – Последнее вырвалось с сарказмом, но Григорий тут же повеселел:

– А не рвануть нам, авиация, до вагона-ресторана? Поужинаем, да и за знакомство не мешало бы по маленькой. Как?

Парни вроде бы оживились.

– Давай, давай, авиация! – Поднялся Григорий, рывком одергивая гимнастерку под ремнем с портупеей. – Бойцу наипервейшая дислокация – рядом с кухней!

За подрагивающим от хода поезда столиком знакомство состоялось окончательно. Выпили за «стальные руки-крылья», за «сердце – пламенный мотор», за «недремлющие органы» и Родину, за боевых подруг и матерей. Понятно, что тост за мудрого вождя товарища Сталина предварил остальные.

– И все-таки должен вам доложить, дорогие вы мои Коляха и Шура, что нынешняя политическая незрелость – это, други мои, опаснейшая из опасностей в нынешней обстановке. – Нетвердой рукою Григорий подцепил с тарелки шпротину и отправил в рот. Задумчиво пожевал, ткнул в губы скомканной накрахмаленной салфеткой, неловко потянул из коробки на краю столика «казбечину». Привычно прикурил от протянутой спички.

– Тут ты, Гриша, совершенно прав, как политработник тебе отвечу, – поддакнул заплетающимся языком, задув спичку, «Коляха». «Шура» молча работал челюстями, в разговор пока особо не вступал.

– В органах это страшно вдвойне! – назидательно поднял вверх папиросу Григорий. – Но мало кто это осознает. Привыкли, понимаешь, за два десятка лет повторять: «Чекист – это холодная голова, горячее сердце, чистые руки...» Так, кажется, у Дзержинского... Вот... А голова не должна быть холодным чугуном. Она должна варить! Варить, Коляха! И четко чуют, откуда каким ветром или запахом наносит... Враг не дремлет.. Шпионов развелось!..

– С-согласен, – мотнул головой уже совершенно окосевший Гаврилов. – С-совершенно в точку! Это ж, кто думал, что даже у нас в РККА, такой заговор... Тухачевский, Якир...

– Т-сс! – Григорий так шикнул на собеседника, что и аппетитно жующий Буценко чуть не подавился. – Без фамилий!.. Дай-ка еще огня – тухнет негодная, табак сырой, твою мать...

Григорий смачно затянулся затрещавшей от новой порции пламени папиросой, вытолкнул мгновение спустя из легких сизый клуб дыма, заслоившийся над головами.

– Нет, Коляха, факт в другом. Четко могу доложить – у нас в органах политработа поставлена куда как хуже, нежели у вас, в армии. В результате чего, Коляха, – обрати внимание! – многие наши работники слабо владеют ма...маркси...ик!..истко-ленинско-сталинской теорией. – Григорий еле выговорил, борясь с приступом внезапной икоты, именную конструкцию. – А следовательно, что?

– Что? – эхом, друг за другом, откликнулись уже тоже порядком подвыпившие политруки.

– В результате, – веско процедил Григорий, – некоторые наши работники в политическом отношении не растут, занимаются делячеством, манкируют обязанностями, но карьеры делать – мастера-а!...

– Да... У вас результаты – налицо, – оторвался от тарелки «Шура». – Рост по службе обеспечен. Врага разоблачили – повышение, награда, а у нас...

Он безнадежно мотнул головой.

– Мы, низовое звено комполитсостава, пашем, а поощрения собирают командиры повыше...

– Гриш... Тут у нас слух прошел, что к двадцатой годовщине РККА медаль учредят, большое награждение будет... Не в курсе? – поинтересовался шепотом, растягивая непослушные губы в виноватой улыбке, Гаврилов.

Григорий пожал плечами.

Политрук продолжил:

– А по вашей линии, вроде, двадцатилетие отметили? Были награды?

– У нас с этим, как и у вас... Вот я, с четырнадцати лет в Чека, учился в школе ВЦИК, нес охрану Правительства и самого товарища Ленина...

– Да ну?!

– Баранки гну! Так, вот... Что скажу... Представляли, слышал, к знаку почетного чекиста... да так всё и заглохло. Говорят, где-то «на верхах» зарезали... Впрочем... Обыкновенная побрякушка – самолюбие потешить... Не орден союзный...

В свое купе компания вернулась глубоко за полночь. Но сразу спать не улеглись. Четвертого попутчика так и не добавилось, поэтому новых друзей никто не стеснял. За бутылкой прихваченного из ресторанный буфета марочного муската проговорили еще часа полтора, пока самый любознательный из политруков не ткнулся носом в столик. На этом выяснение сравнительных характеристик службы в «органах» и армии завершилось. Отключившегося «Коляху» Григорий с «Шурой» уложили на нижнюю полку, напротив расположился, стянув начищенные до умопомрачительного блеска хромачи, Григорий, а Буценко кое-как забрался на верхнюю полку.

Проваливаясь в черную яму пьяного сна, Григорий еще успел лениво подумать, что молодой авиаполитрук «Шура» в его нынешнем состоянии вполне может, сонный, спланировать на пол и набить себе шишек...

ИНФОРМАЦИЯ (1)

КУСМАРЦЕВ Григорий Павлович. Родился в 1904 году в семье крестьянина-бедняка в с. Долгоруково Сердобского уезда Саратовской области. С мая 1918 года состоял в отряде Красной гвардии при Сердобской уездной ЧК. Принимал участие в боях с белочехами, в ликвидации кулацких восстаний. В августе 1918 года направлен, в составе 2-го Московского полка на Восточный фронт, участвовал в боях за Хвалынский, Сызрань, под Царицыным, в Донской области и бывшей Саратовской губернии. В январе 1920 года принят в партию. Вскоре был тяжело ранен и контужен. Два месяца госпиталя в Пензе и двухмесячный отпуск по болезни. Был дома, в родном селе Долгорукова, где по поручению Сердобского Укома партии организовал ячейку комсомола, вел ответственную работу в райкоме. По окончании отпуска направлен в Самару. В составе Отдельного кавдивизиона, а затем Сводного Оренбургского кавотряда участвовал в ликвидации кулацко-белогвардейского восстания Сапожкова до конца ноября 1920 года. Затем

– участие в боевых действиях на Южном фронте против Врангеля – боец Отдельной сводной Заволжской бригады 1-го Красно-гусарского полка 6-й армии. Зимой 1920-21 гг. бригада брошена на ликвидацию банд Махно.

Демобилизован из армии в апреле 1921 года. Вернулся в Сердобск. Укомом партии направлен на работу в политбюро Саратовской губЧК помуполномоченного по борьбе с бандитизмом. Зимой 1921-22 гг. учится на командных артиллерийских курсах в Саратове, одновременно неоднократно участвуя в ликвидации банд в Заволжье. В мае 1922 г. по окончании курсов направлен в школу ВЦИК, где проучился до 15 февраля 1924 года. Нес охрану Правительства и тов. Ленина. Из школы отчислен в связи с плохой грамотностью и по состоянию здоровья. По возвращению в Саратов Губком партии направляет работать секретарем биржи труда, затем инспектором губстрахкассы, агитпропом в Сердобском уезде и секретарем волостного комитета партии.

С мая 1926 года, по направлению Губкома партии, снова на оперативной работе в органах ГПУ – помуполномоченного секретного отделения Саратовского губотдела ОГПУ. С июля 1928 г. – старший уполномоченный Камышинского окротдела, с сентября 1930 г. – ст. оперуполномоченный секретного отдела ОГПУ по Нижне-Волжскому краю. В 1932 г. откомандирован в распоряжение Читинского оперсектора ОГПУ на должность уполномоченного Секретного Политического Отдела. Вскоре назначен начальником отделения, а через полгода – начальником СПО оперсектора. В июле 1935 г. как не справившийся с работой с должности снят и переведен оперуполномоченным в Иркутск. В мае 1937 года вновь назначен здесь начальником отделения контр-разведовательного отдела. В октябре 1937 г. в связи с образованием Читинской области и реорганизацией Читинского оперсектора НКВД в Управление НКВД по Читинской области снова направлен в Читу начальником отделения секретного политического отдела управления госбезопасности УНКВД по ЧО.

Морально устойчив. Женат. Двое детей. Семья проживает в г. Иркутске. Вместе с тем, склонен к употреблению спиртных напитков, ранее допускал невыходы на службу в связи с пьянством.

II

После бурной ночи – затянувшегося и наполненного обильными возлияниями ужина в вагон-ресторане и продолжившихся уже в купе дебатов с политруками из авиашколы – Григорий спал долго и беспробудно, но все-таки проснулся раньше, чем его попутчики.

Тяжело поднялся, вышел в тамбур, достал папиросы. Несколько затяжек заметно просветлили гудящую голову. По привычке перебрал вчерашние события – что помнил. Но и этого хватило сообразить: язык вчера был явно неуправляемым – бабье помело, язви ты! И перед кем мёл – перед двумя пацанами! А с другой стороны, какие они пацаны – политруки. М-да... Что

же он им наплел вчера?.. А впрочем... Сам не помнит, куда уж этим желторотым!

Но когда вернулся в купе, – тревога у сердца заскребла куда настойчивее: «желторотики» уже не спали и, видимо, успели меж собою перетолковать о вчерашнем – Григория встретили настороженно. Даже вчера, при первом его появлении, такого не было. Тут же оба как-то поспешно засобирались.

– Чего закопошились, авиация? – в прежнем бодреньком тоне начал Григорий. – До Читы еще не один час.

– Да нам... это...

– Тут через пару вагонов приятели объявились... звали...

«Авиация» стыдливо тупила глазки.

– Ну-ну... – Григорий отнес поведение юных политруков на счет их ночного «положения риз», снисходительно хмыкнув.

В общем, в Читу Григорий приехал в купейном одиночестве и самом пасмурном настроении. Хотел было зайти в ресторан на вокзале, пропустить пару рюмок, но увидел знакомого на перроне, а «зацепиться языками» не имел ни малейшего желания – свернул в сторону и подался от вокзала вверх, но через квартал все-таки не утерпел, свернул на Калининскую улицу и принял стакан под бутерброд с килькой в рюмочной. Уже совершенно стемнело, когда Григорий добрался до квартиры, вернее, комнаты, которую снимал у пожилой четы в добротной бревенчатой пятистенке на Новых местах.

Света не зажигал. Как прошел через сени и кухню, ничего не ответив хозяйке на ее предложение выпить чайку, так и уселся на койку, лишь шинель сбросил на стул. Курил папиросу за папиросой и лихорадочно обдумывал происшедшее. Хозяева за тонкой перегородкой уже легли, уже часы прокуковали полночь, а потом и еще раз кукукнули, – сон к Григорию не шел. Под утро сморило ненадолго.

Проснулся от звяканья ведер и теплого запаха «парёнки» – хозяйка для поросят запаривала корм. Встал с заскрипевшей койки, резкими движениями размял основательно затекшее тело, сбросив гимнастерку, вышел в сени. Там окончательно пришел в себя, щедро плеснув в лицо и на грудь ледяной воды. Решение уже созрело: «Кто первым доложил – тот и прав»!

Повеселев, вернулся в дом. Перешучиваясь с хозяйкой, побрился, с аппетитом выпил густого чаю с молоком. По утренней темноте скорым шагом отправился в управление.

В кабинете, уже усевшись за стол и положив перед собой чистые листы бумаги, глянул на часы: до планерного совещания у начальника отдела оставалось поболее часа.

Аккуратно вывел в правом верхнем углу листа: «Секретарю парткома ВКП(б) УНКВД по ЧО тов. Зиновьеву...»

С заявлением в партком управился аккуратно до совещания. На нем начотдела не было, вел совещание зам – Новиков, безразлично кивнувший, когда Григорий доложил по форме о возвращении из краткосрочного отпуска. Заседали недолго, вопросы слушали текущие и малозначительные.

В половине десятого Григорий постучался в створчатые двери секретаря парткома.

Зиновьев встретил Григория привычной вежливой улыбочкой, которая, казалось, постоянно жила на его лице и особенно становилась заметной из-за чуть кривоватого разреза губ и резко контрастирующего с нею взгляда – глаза партийного руководителя никогда не улыбались и никакого настроения не выказывали. Они жили отдельно, всегда ровно мерцая каким-то безжизненным темно-зеленым светом, который ничего не выражал и не отражал; взгляд словно проходил сквозь человека, не задерживаясь.

Зиновьев внимательно и долго читал заявление Григория, чуть заметно шевеля губами и покашливая. Дочитав, поднялся из-за стола, неторопливо подошел к окну, долго смотрел в широкую щель между гардинами. Потом, не поворачивая головы, сказал с жесткой расстановкой:

– Перед партией, Кусмарцев, скрывать ничего нельзя. Всю душу надо раздеть. До последней клеточки. А коммунисту-чекисту – вдвойне.

Зиновьев вдруг резко повернулся к Григорию и ледяным тоном закончил:

– Политруки, говоришь, подозрительные и политически незрелые попались? А знаешь ли ты, что они еще вчера, с поезда прямиком прибыли в Особый Отдел ЗаБВО: так, мол, и так – ответственный работник НКВД всю ночь пьянствует в поезде и открыто ведет контрреволюционные разговоры! – Зиновьев шагнул к Григорию вплотную, носом втянул воздух. – От тебя до сих пор разит, чекист-коммунист Кусмарцев!

– Да я...

– Головка ты от..! – грубо выругался сквозь стиснутые зубы секретарь парткома. – Вылезла гниль? Разберемся! Иди... пока...

Уже у дверей Григория догнало брошенное в спину:

– Отвечать, Кусмарцев, в любом случае придется. Стой! Кру-гом!

Зиновьев снова подошел вплотную и прошипел:

– И не вздумай догонять своих вагонных собутыльников... Оба обратно в Иркутск отправлены. С ними там займутся. А с тобой – здесь... Иди и думай, как до жизни такой докатился...

– Товарищ секретарь парткома! Да врут эти молокососы! Я всю жизнь – за Советскую власть! Банды громил, сам контру в расход пускал! Какие контрреволюционные разговоры?! Наоборот, я им о бдительности...

– Пошел вон, дурак!

– Нет, ну почему, каким-то чужим, армейским, вера?! Да это они же про Тухачевского с Якиром, про этих германских псов-наймитов, а я им...

– Вон!!!

Вместо эпиграфа-2

Призыв товарища Сталина о ликвидации идиотской болезни – беспечности, о повышении бдительности возымел действие – партийные массы возмужали, закалились на той громадной очистительной работе, которая проведена партией... Трудно переоценить результаты выкорчевывания троцкистско-бухаринских шпионов и диверсантов – эти результаты равны выигрышу страной социализма большого сражения с капиталистическим миром.

«Правда», 19 января 1938 года.

2. «Контрреволюционер с 17-го года, фашист и шпион»

I

Мучила какая-то неопределенность положения. По плану предстояла командировка в Чикой, но начальство от поездки отстранило. Взамен потребовали обзор-справку о работе отделения за полугодие, с момента образования управления.

Григорий неделю, практически до 31 числа, чертыхаясь, рылся в толстых картонных папках. В новогоднюю ночь назначили оперативным дежурным по управлению. Правда, ночь прошла спокойно, все происшествия – по милицейской линии.

Утром, когда сменился с дежурства и отправился отдыхать, внизу, в вестибюле, встретил секретаря парткома. Зиновьев с отсутствующим выражением лица хотел пройти мимо, но Григорий решительно преградил ему дорогу:

– Товарищ секретарь партийного комитета! Почему вы не даете хода моему заявлению? Требую разобрать его на партийном собрании!

Зиновьев, все так же глядя в сторону, сквозь зубы процедил:

– А еще чего требуешь?

– А еще – очной ставки с теми резвыми летунами. Пропаивали всю дорогу и полностью исказили наш разговор! Допросить их официально! И – очную ставку. Я готов!

– Готов, говоришь?.. Созрел... – едва заметная усмешка чуть искривила губы Зиновьева. Он так и смотрел в сторону. – А что ты, Кусмарцев, так переживаешь и суетишься? Разберемся...

– Да я уже по вашему отношению вижу, какое это будет разбирательство...

– Глазастый больно... И языкастый... – Зиновьев повернул голову, и Григория на мгновение коснулись жалающие буравчики его маленьких, глубоко посаженных глаз. Лишь на мгновение, потом взгляд партийного начальника привычно потек сквозь собеседника, но и этого мгновения Григорию хватило: волна неприятного озноба прокатилась по спине. Но сдержаться не получилось:

– Я с вами как коммунист с коммунистом...

– Ишь ты! – хмыкнул Зиновьев и повел пальцем, напирая на Григория. – Освободи дорогу! Совсем уже распоясался! Субординацию нарушать?!

Григорий увидел круглые глаза дежурившего в вестибюле сотрудника комендантского отделения, понял, что окончательно нарвался на скандал, и отступил с поворотом в сторону, прикладывая правую руку к головному убору.

– Виноват!

Зиновьев, засопев, быстро подался по ступеням наверх.

...Неопределенность продолжалась. И всё больше и больше наслаивалась в душе чувство тревоги и страх, непонятный, и от этого еще более темный и зловещий. От него не спасали ни традиционная запарка первой январской декады, когда все в управлении «подбивали бабки» и готовили отчеты в Москву, ни стакан водки на «сон грядущий». Вязкий сон приходил, но потом, среди ночи, Григорий просыпался в каком-то полубреду. Словно что-то толкало: проспал! – а нужно куда-то идти, непонятно, куда и зачем; делать какое-то незавершенное дело, непонятно, какое и для чего. Такое состояние полусна-полуяви могло тянуться час-полтора, а то и больше, и изматывало почище бессонницы.

Григорий тоже возился с отчетом, но недолго: в понедельник на совещании начальник отдела, ничего не поясняя, перепоручил подготовку секретных данных своему заместителю Новикову, а Григория включил в бригаду по контрольной проверке читинской тюрьмы, хотя по линии отдела там работы практически не было, это отделу мест заключения (ОМЗ) там забота – через край. Почти полторы недели Григорий изнывал от безделья, шурша бумагами в спецчасти и канцелярии тюрьмы, а больше слоняясь из одного оперского кабинета в другой.

Хорошо, хоть другое заделье нашлось, – в общежитии освободилась комната, а Григорий по заявке – первый. В общем, попрощался с хозяевами на Новых местах, переехал в общежитие. Повеселел малость, болячка страха, вроде бы, ныть перестала.

II

...Утро началось обычной канцелярской рутиной. Накануне завершилось инспектирование – нудное времяпровождение в тюрьме. Григорий как раз сочинял по этому поводу справку – так, чтобы поумнее вышло. Но документ рождался в мучениях.

В разгар этих мук в кабинет зашли замначальника отдела лейтенант госбезопасности Новиков и лейтенант госбезопасности Чепенко, состоящий в должности инспектора при начальнике управления.

Чепенко с порога уперся настороженным взглядом в лицо Григория, демонстративно положив руку на рукоятку ТТ, торчавшую из расстегнутой кобуры. А Новиков, как-то боком подойдя к Григорию, хрипло скомандовал:

– Руки вверх, Кусмарцев!

– Да вы что?! – оторопел Григорий.

– Молчать! – рявкнул Новиков и цепко ухватился за кобуру на поясе Григория, рванул ремешок, неловко вытянул пистолет и быстро завел руку с оружием за спину. Тут же отступил на шаг и кивнул в сторону дверей:

– Вперед! На выход! И без дерганий, а то... – Он многозначительно продемонстрировал Григорию его же пистолет, направив ствол в живот.

– Да вы, что, белены объелись? – Григорий смачно выругался, на что Чепенко все-таки вытащил свой ТТ и навел на Григория:

– Двигай вперед по-хорошему! Руки за спину!

Матерясь сквозь зубы, Григорий шагнул к дверям, за которыми оказался еще один сотрудник с обнаженным оружием – Попов. Смерив Григория ненавидящим взглядом, буркнул:

– За мной, бля...

Новиков и Чепенко сопели сзади.

Попетляв по коридорам, спустились по лестнице в подвал. Рослый надзиратель отпер замок в решетчатой двери, потом еще в одной. Несколько раз Григорий открывал рот, пытаясь хоть что-то выспросить о нарастающей абсурдной ситуации у Чепенко, но тот молчал. Не выдержал замыкающий процессию Новиков:

– Еще раз, гад, пасть разинешь – замочу!

Надзиратель, наконец, остановился у собранной из толстых деревянных плах двери одной из камер, приоткрыл обитое жестью окошко-амбразуру:

– Отойти! Встать! Построиться!

Загремел ключами, отпирая врезной замок, с лязгом отодвинул металлический засов, потащил на себя тяжело заскрипевшую дверь.

В заливающим камеру свете лампочки-«двухсотки» Григорий увидел около десятка или чуть больше застывших фигур. Большинство арестантов были в штатском, один только, кажется, в гимнастерке, но без знаков различия, однако Григорий смог рассмотреть, что гимнастерка не комсостава.

– Но меня не положено в такую, к таким... – Григорий обернулся к своим конвоирам.

– Закрой пасть, засранец! – гаркнул Новиков, а Чепенко дернул сзади за портупею. – Сымай ремни, живо!

Негнушными пальцами Григорий расстегнул ремень, высвободил язычок на хрустнувшей добротной кожей портупее.

– Что же вы творите...

– Заткнись, гнида фашистская! – заорал Новиков, потрясая зажатым по-прежнему в руке пистолетом Григория.

– Что ты сказал?! – выдохнул Григорий, разворачиваясь к Новикову. Тот резво отступил пару шагов назад, щелкая предохранителем пистолета.

– Хэк! – Появившийся сбоку Попов, утробно хрюкнув, мощно ударил Григория по печени.

Григорий охнул, сгибаясь почти пополам.

– Суки... Хоть костюм штатский дайте, – прохрипел он. – Пусть в общежитии возьмут...

– Щас, побежали уже! – хохотнул Чепенко. – В камеру!

Этот нервный смешок почему-то мгновенно взорвал Григория:

– Чего же ты, падла, позволяешь фашисту форму лейтенанта госбезопасности компроментировать?! – Григорий попытался выпрямиться. – Звание работника органов дискредити...

Закончить не успел – Чепенко с силой ткнул его коленом в живот, и Григорий, не устояв на ногах, спиной влетел в камеру, с размаху ударившись позвоночником о бетонный пол. Тут же Григория, еще ничего не соображавшего от боли, несколько рук вздернули на ноги, но дверь уже захлопнулась, лязгнули засов и замок...

III

Первые два дня Григорий был, как в тумане. Несколько раз пытался бить в дверь, но каждый раз другие обитатели камеры оттаскивали его, совали кружку с теплой, крепко пахнущей хлоркой водой. Периодически совали пайку – миску каши и кусок хлеба, какую-то ржавую соленую рыбу. Но есть Григорий не мог. Хотелось курить. Папиросы остались на столе в кабинете. Да и вообще, когда это было – кабинет, папиросы?.. И было ли...

Делились табачком в камере или нет – этот вопрос даже не приходил Григорию в голову. И не потому, что унижаться до попрошайничества он не мог и не хотел. Он подсознательно отделял себя от других обитателей камеры. Что они находились здесь – это было само собой разумеющимся, а вот он...

Невероятность происходящего вносила полную сумятицу в сознание. Григорий никак не мог собраться с мыслями, спокойно обдумать и проанализировать свое нынешнее положение. В голове крутились какие-то бессвязные обрывки, какой-то несущественный мысленный мусор. Попытки сосредоточиться неизменно заканчивались одним и тем же – навязчиво сверлящим мозг, когда-то где-то вычитанным или услышанным, чьим-то утверждением: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда...» Кто сказал или написал это, Григорий вспомнить не мог, как не старался. И это становилось уже второй половиной идефикса.

А потом это состояние стало постепенно проходить, тускнеть. И Григорий начал приглядываться к соседям по камере. Лица незнакомые. Неожиданно он поймал себя на мысли, что рад факту своей непродолжительной работы в Чите. Это даже успокаивало – Григорий и представить себе не мог возможную встречу, в нынешних «камерных» условиях, хотя бы с одним из тех, кого он сам «оформлял», как врага народа. А может, он кого-то не разглядел? Об этом ему уже в который раз снился сон, бессвязный и страшный. Где-то в глубине сознания Григорий понимал, что кошмар сновидений объясняется духотой и скученностью в камере. Но когда среди ночи выныриваешь, задыхаясь, из подобного сновидения-кошмара, сдавленный со всех сторон потными телами, то душу окатывает ни с чем не сравнимый ужас, – тебе кажется, что на тебя навалились скопом все твои враги, чтобы расправиться, удавить сонного, беспомощного и измученного неизвестностью произвола. Утром ночные страхи отступали, но их сменяли дневные: за что, почему я здесь? И снова: «Этого не может быть...».

Григорий замечал, что каждый из арестованных большую часть времени полностью погружен в себя, как и он.

А потом он обнаружил, что проходит день за днем, но из камеры никого не вызывают – ни на допросы, ни для других следственных действий. Лишь трижды в день в одно и то же время (это Григорий установил по часам, которые при аресте так и остались в кармашке-пистончике бриджей) распахивается «амбразура», в которой появляются миски с баландой или кашей, толстые ломти хлеба. Потом из коридора просовывают носик здорового чайника – все набирают коричневатую, чуть теплую жидкость, называемую чаем. У кого кружка – в кружку, остальные – в опорожненные миски. Теперь свою пайку Григорий, как и другие обитатели камеры, съедал без остатка. И хорошо, что «чай» лишь теплый, иначе не успеть выпить – миски требуют назад. В десять вечера мигает «двухсотка»: отбой. В шесть утра по коридору проходит надзиратель и громыкает в двери: «Подъем, вражины...»

Повседневное действо в камере происходит молча. Без стычек и свар. В читинской тюрьме, в качестве проверяющего, Григорий нагледелся: уголовная публика ведет себя шумно, вызывающе. А здесь, во внутренней тюрьме УНКВД «субчиков-чубчиков» – раз-два и обчелся. И то – с «политическим душком». Контра, одним словом – вот такой «контингент».

Григорий вновь бессильно закрипел зубами от нахлынувшей волной ярости. Это он-то контра?! Разберутся они, видите ли! Сволочи... Все эти новиковы, чепенко, зиновьевы и прочие еще пожалеют! Из-за каких-то молокососов... Но политруки-то... Бойкие, шустрые хлопцы! Мускат на дармовщинку жрать горазды, а настучать не преминули. Ничего... разберемся и с ними. Всему свой срок...

Кстати, о сроке. Пребывание в камере без вызова к следователю больше похоже на дисциплинарный арест. Ну, конечно же! И как он сразу не допетрил! Попугать решили, вот и сунули в камеру. Напрасно, напрасно в панику кинулся. Так и надо, чтоб знал, где и с кем пить. А что, оригинально, по-чекистски! Хм...

Григорий попытался ухватиться за эту соломинку-мысль, но тут же с горечью подумал, что в его нынешнем положении заниматься наивным самообманом не стоит. Никакой это не дисциплинарный арест. Или сам не знает, что процессуальные нормы в родной «конторе» давным-давно никто не соблюдает, в лучшем случае – для видимости, ради проформы. Но «соломинка» выглядела так заманчиво...

– Какое сегодня число? – спросил Григорий у соседа по «шконке», решив себя перепроверить. Пожалуй, единственный из набитых в камеру арестантов, кто тут имел подобие интеллигентного вида.

– Четвертое, – с готовностью, и несколько не удивившись вопросу, откликнулся тот и тут же уточнил: – Четвертое февраля...

– Ты мне еще год назови, – буркнул в ответ Григорий. Он быстро подсчитал в уме, что если его арест – дисциплинарная мера, то по максимуму взыскания его должны выпустить из-под замка шестого февраля утром. «Ага,

давай, мечтай дальше, дурак!» – зло подумал Григорий. Он посмотрел на соседа, кривя губы в улыбке:

– Извини, мужик. Нервы... Тебя как кличут-то?

– Павел Павлович... Фладунг.

– Чево?

– Это моя фамилия. Фладунг Павел Павлович.

– Да... – хмыкнул Григорий. – С такой фамилией... Был бы хотя бы Фладунговым или Фладунским. Лучше, конечно, первым.

– Я что-то не понимаю, – забеспокоился сосед.

– И не поймешь! – отрезал Григорий.

– Господи, да разве в фамилии дело! Следовательно утверждает, что на меня есть показания... как на... германского шпиона! Боже мой, откуда?!

– Кем были до ареста?

– Я – музыкант В оркестре областного драматического театра служу.

– Чего же не музицировалось? – безразлично поинтересовался Григорий.

Фладунг сокрушенно пожал плечами и почему-то очень внимательно посмотрел на свои нервно подрагивающие пальцы. Ответил не сразу:

– Видите ли... Извините, не знаю, как вас...

– Григорий.

– Видите ли, уважаемый Григорий... По национальности я немец. Из поволжских. Мой отец, до пенсии, тридцать лет проработал на железнодорожной станции в Сталинграде, а меня, вот, судьбе угодно было занести в Читу. Нет, я не жалею. Мне здесь прекрасно. Супруга... Собственно, потому и Чита. Встретились здесь. Ну и, как у всех – семья, дети... И тут вдруг такое... – Фладунг сокрушенно мотнул головой. – Вы понимаете, Григорий... мы всегда жили в России. Я не могу вспомнить, в каком поколении, но очень давно, наверное, еще при Петре Великом, мои предки приехали и осели в России, стали ее гражданами, давно утратив какие-либо связующие нити с Германией...

Фладунг замолчал, снял очки – круглые металлические колесики с толстыми, поцарапанными линзами и отломанной левой дужкой, которая была старательно прибинтована к остальной оправе узеньким лоскутком, уже изрядно засаленным. Платком, чуть почище этого лоскутка, долго и старательно протирал стекла. Потом поднял на Григория близорукие, по-детски беззащитные глаза:

– Меня допрашивал следователь Новиков.

– Знаю такого... – Григорий сочувственно посмотрел на собеседника. Работающий в третьем отделе сержант госбезопасности Новиков, однофамилец прямого начальника Григория, с арестованными не церемонился, протоколы допросов предпочитал заполнять «методом кулака».

– На допросе били?

– Нет... – отчего-то растерялся Фладунг.

– А чем дело кончилось?

– Вы понимаете, Григорий, – заторопился собеседник, – В этом-то и всё дело! Поначалу задавал чудовищные вопросы! Кого я завербовал в ряды германских шпионов? Помилуй Бог, отвечаю ему, какие шпионы, какая

Германия?! Я ее и не видел-то никогда. Папа тридцать лет проработал на станции Сталинград, там мы всегда жили, там и я родился в девятьсот четвертом...

– Одногодки...

– Да? Очень приятно... если это подходит к нашему нынешнему положению, – горько вздохнул Павел Павлович и, спохватившись, снова затараторил, нервно жестикулируя: – И вот, уже три недели меня больше не вызывают. Товарищ...э... гражданин следователь Новиков мне тогда сказал, чтобы я подумал хорошенько – и всё! Сижу и не знаю...

– Разберутся... – Григорий мысленно выматерился – во как, сам тоже не оригинальнее Зиновьева. Но интерес к Фладунгу сразу потерял, отчего, скорее машинально, вырвалось: – Дыма без огня не бывает...

– Как вы сказали? Почему?! Но я...

ЖЕРТВЫ И ПАЛАЧИ (I)

В апреле 1938 года арестованному Фладунгу П.П. следователем Новиковым предложено подписать показания о шпионской деятельности в пользу Германии. Обвиняемый в шпионаже категорически отказался от подписи, выразив свое возмущение тем, что эти лживые показания следователь Новиков сам выдумал и написал. Арестованного Фладунга били два дня подряд, пока он «показания» не подписал.

В марте 1938 года следователем 3-го отдела Новиковым был составлен протокол, содержащий вымышленные факты о якобы контрреволюционной деятельности строителя-ударника из Читы Оптова. Новиков бил Оптова несколько дней, до тех пор, пока тот не подписал «показания» в том, что является сыном кулака, вместе с отцом с 1917 по 1930 год вел контрреволюционную агитацию, а после 1930 года вел ее один. Заявления Оптова, что указанное невозможно, так как в 17-ом ему было только шесть лет, а отец умер в 19-ом, равно как и о том, что он, Оптов, отмечен за ударный труд в тылополчении Президиумом ЦИК, следствием расценены как упорные попытки «отрицания смертельной вины перед трудовым народом».

Также, двое суток, Новиков бил машиниста станции Чита-I железной дороги имени Молотова – Калнина, латыша по национальности, приехавшего в Забайкалье на постоянное жительство в 1907 году и 35 лет проработавшего здесь на железной дороге. Протокол с «правдивыми показаниями», который в результате истязаний Калнина заставили подписать, сочинил тот же Новиков.

Арестованный в марте 1938 года «на основании приказа по иностранцам» начальник пожарной охраны Читы Скок, по национальности украинец, из рабочих, сын железнодорожного кондуктора, до начала гражданской войны жил в Гомеле. Был призван в Красную Армию, участвовал в боях. В 1920 году попал в плен к белополякам. Непродолжительное пребывание в тылу явилось «убедительнейшей

причиной его принадлежности к германо-польской шпионской сети». За отказ подписать соответствующие «показания» несколько раз избивался на допросах сотрудниками Читинского УНКВД Романенко и Мысиком. Более месяца лежал в камере с поврежденным позвоночником без какой-либо медицинской помощи. В феврале 1939 года был освобожден полным инвалидом.

IV

«Приказ по иностранцам» Григорий знал назубок. На Лубянке он родился по прямой указке Сталина. Под маховик репрессий не могли не попасть те, кто стоял у истоков международного революционного движения, активно участвовал в нем, будучи глубоко убежденными, что коммунистическая идея несовместима с режимом абсолютной личной власти. Поощряя шельмование видных деятелей Коминтерна, их объявление иностранными шпионами и наймитами, Сталин и мысли не допускал, что подобные обвинения в адрес тех же Х. Раковского, В. Кнорина, Бела Куна и многих других, – есть лишь персональные обвинения. Обвинения, которые чаще всего Вождь навешивал как бы проходя, между делом, его подручными безошибочно воспринимались и рассматривались как сигналы к поискам «сообщников» по всей стране и за ее пределами. Споры фабриковались дела, напичканные липовыми доказательствами о заговорах и шпионских сетях. Обычно, принадлежность такой сети определялась по национальности «главных шпионов». Или по месту их нынешней или былой, революционной деятельности. Так Х. Раковский стал английским шпионом, а Б.Кун – венгерским. К этим «международным» обвинениям обязательно добавлялись и партийные, вернее, внутрипартийные. «Троцкистско-бухаринское» клеймо являлось неременным.

Григорий был убежден, что всё так и есть. Поэтому приказ наркома, который требовал «попристальнее» взглянуть на бывших иностранных граждан, с какого бы времени они не являлись гражданами СССР, он, чекист и коммунист, воспринял, как и подобает ответственному работнику «органов». И по-иному не думал никогда! Растерянное недоумение Павла Павловича Фладунга Григорий мог расценить только однозначно: может быть, «огня» за сокамерником и не найти, но «дымок» – гнильца иностранная! – безусловно присутствует. Зазря «органы не привлекают!

...Зазря-то зазря, но уже 10 февраля, а он, Григорий, по-прежнему в этой же камере. Девятнадцатые сутки ареста пошли! И никаких вызовов к следователю, к начальству. Григорию вдруг подумалось: это – штучки Зиновьева! Мстит, гад, за прямой и откровенный разговор. Ничего, потерпим... Григорий с мстительной радостью представил, как он обратится к прокурору. Не какой-то он там в сам деле «контрик», чтобы его уже две декады за просто держать в подвале, да еще в чекистской форме среди этих...

Григорий уже и думать забыл о первых днях – о позорнейшей прострации, в которую поначалу впал. Наоборот, теперь он каждую ночь подолгу бдел, зорко присматривая за измученными и беспокойно спящими людьми. Он

бдел и переполнялся волнами возмущения – это же подсудное дело! Затолкать чекиста в камеру к «контре»! Да когда же это кончится, мать вашу!! Три недели произвола!!! Ничего, потерпим, повторял себе Григорий, тяжелым взглядом обводя сокамерников, потерпим, но уж потом – не обессудьте, граждане начальнички! Воочию представилось общеуправленческое партийное собрание, на котором в пыль и прах коммунисты растирают Зиновьева, Новикова, Чепенко, Попова...

V

В кабинете особоуполномоченного по УНКВД младшего лейтенанта госбезопасности Перского, куда Григория – наконец-то! – привели глубокой ночью 10 февраля двое дюжих надзирателей (Их кирпичные морды Григорий постарался запомнить хорошенько, мысленно включив обоих в свой список обидчиков и врагов.), его встретил недоброй ухмылкой помощник Перского – сержант ГБ Попов. (Эту суку – в первую десятку списка!)

– Здорово, Попов! Кулаки разминаешь? – Григорий решил с порога взять быка за рога. – Ну, что, наигрались, начальнички?

Попов, с которым был выпит не один стакан, но которому – из-за этого вдвойне! – Григорий не мог простить подлого удара по печени, стер с лица ухмылку и стальным взглядом уперся куда-то поверх головы Григория. Хрипло осведомился:

– Гражданин Кусмарцев Григорий Павлович?

«Блядский род! – выругался про себя Григорий. – Да что же это такое?!» И, внутренне холодея, только и выдавил: – Ну...

– Уполномочен товарищем Перским ознакомить вас, гражданин Кусмарцев, с ордером на ваш арест, подписанным начальником...

Что-то словно оборвалось у Григория внутри и ухнуло вниз. Почувствовал, как резко вспотели ладони, и по спине скользнула предательская струйка пота. Григорий тупо уставился на Попова.

А тот, уже внимательно разглядывая Григория, протянул листок грубой серой бумаги. «Ордер... Кусмарцев... арестовывается... Нач. УНКВД по ЧО майор г/б Хорхорин. 9 февр. 38-го г.» – только и прочитал Григорий. Ни к месту в голове мелькнуло: «А как же пятнадцать суток дисциплинарного ареста?..». Как стоял, силясь перечитать неровные, скачущие машинописные слова на серой бумаге, так и рухнул, во весь рост, навзничь.

Попов носком сапога брезгливо повернул лицо потерявшего сознание к свету. Сделал шаг назад, скомандовал конвоирам:

– Тащите в одиночку, растуды его в качель! Барышня кисейная! Попьем еще крови, вражина шпионская! Че застыли?! В одиночку – я сказал!

Дюжие молодцы схватили лежащего за руки и ноги, поволокли к дверям.

– Стой! – спохватился Попов.

Надзиратели послушно замерли, не опуская Григория на пол. В сознание он так и не приходил. Отведя взгляд от резко выпятившегося кадыка Кусмарцева, Попов медленно наклонился и потянул из скрюченных пальцев бланк с лиловой печатью.

– Документик, барышня, придется оставить. В дело подошьем. – Кивнул надзирателям: – Тащите...

Вместо эпиграфа-3

О широком применении незаконных методов следствия к арестованным дал показания еще в 1938 году бывший пом. начальника 5 отдела ГУГБ НКВД СССР Ушаков З.М., принимавший участие в допросах Тухачевского, Якира и Фельдмана. Сравнивая перенесенные им методы физического воздействия с избиениями, которые он, как следователь, применял к арестованным, Ушаков показал: «Мне самому приходилось в Лефортовской (и не только там) бить врагов партии и советской власти, но у меня не было никогда такого представления об испытываемых избиваемым муках и чувствах».

*Из Определения Верховного Суда Союза ССР
№ 4н-0280/57 от 31 января 1957 года.*

3. «Контрреволюционер с 17-го года, фашист и шпион» (продолжение)

VI

Через две ночи на третью Григория вновь повели наверх. На этот раз он уже не испытывал даже намека на чувство, что вот-вот, сейчас, в кабинете с высоким потолком, украшенном купеческой лепниной с претензией на итальянское барокко или какое-то там французское рококо, восторжествует справедливость. В душе – он прямо физически ощущал это – росло тупое безразличие.

Две бессонные ночи, дневные раздумья, перемежаемые короткими провалами в забытие, неумолимо убеждали: в историю он влип пресквернейшую. Ему было прекрасно известно, что такое выписанный ордер. Раскручивался такой жернов, который уже не остановить. И даже сам Сталин теперь этого мгновенно сделать не может – долго надо тормозить машину: успеет перемолоть или крепко искалечить.

Иногда в эти два дня нарастающее безразличие прорывалось безадресной злобой. Григорий выплескивал на серые стены поток бессвязной брани. Материл себя – за то, что оказался по собственной пьяной болтовне и браваде здесь; клял сосунков-политруков – за то, что оказались скоры на ногу и быстры на язык... Но больше всего Григория бесило иное: отныне его судьба, его жизнь – в руках... бывших собутыльников. Да только происходящее – не пьяный кураж или драка самцов. Такое бывало...

Ныне же между Григорием и тем же Поповым легла черная пропасть. Не перескочить, не обойти. Слюнявый Попов, в лошадиную глотку которого водка, казалось, не лилась, а прыгала; Попов, эта гнида, которой в базарный день цена – полущка за дюжину; Попов, который...

Попов, значит, – доблестный боец партии и органов, а он, Кусмарцев, с пацанов бивший белую и прочую контру – сам объявлен контрой и фашистом! Он, который тогда, в мае восемнадцатого, прибавил себе два года, чтобы приняли в отряд Красной гвардии...

Но злоба вскоре сменялась снова безразличием. Безрадостно думалось и представлялось, что, в конце концов, поймут, что он, Григорий Кусмарцев, делу Партии и соввласти – самый преданный боец. И слова соответствующие скажут, и возьмут на короткий чомбур местную управленческую сволоту... Поймут... А кто поймет? Да пока с Луны ли, с Москвы ли такая фигура свалится... Не было бы поздно... Таких примеров!..

Держиморды подвальные снова вели в кабинет Перского. У самых дверей тупое безразличие у Григория улетучилось, он снова почувствовал, как наполняется непонятной волной мстительности. Нет, недолго все-таки ему, чекисту с двадцатилетним стажем, ждать своего часа. И ответят эти гады за всё!

Особоуполномоченный – на этот раз в кабинете был сам его хозяин – внимательно оглядел Григория с головы до пят.

– Что, помялся малость? – зло вырвалось у Григория. – Говорил же, чтобы штатский костюм выдали.

– Выдадут тебе, – кивнул Перский с какой-то двусмысленной зловещинкой.

– А что? – с вызовом продолжил Григорий. – Контре, вон, рыльно-мыльные принадлежности положены, а мне? Ни мыла, ни полотенца! Про зубной порошок и бритву, – Григорий тыльной стороной ладони провел по щетине, – уж молчу!

Вид и впрямь был жутким. Густая, торчащая во все стороны, почти месячная щетина, больше уже напоминающая бороду, скрыла ввалившиеся щеки, но еще больше оттеняла такие же ввалившиеся, воспаленные от «двухсотки», слепящей камеру круглые сутки, глаза. Гимнастерка и бриджи – как корова жевала, только основательной стиркой и глажкой можно в божеский вид привести. Про исподнее и вовсе нет разговору – подолом нижней рубахи четыре недели утирался.

Григорий попробовал принять вид независимый, гордый, мол, знай наших – пожалеет крупно придется. Уставился изподлобья на кресты оконной рамы, всей кожей ощущая цепкий, ощупывающий взгляд Перского.

Перский молчал. Разглядывал Григория и молчал. Как это еще, удивительно, вначале откликнулся. Гонор у Григория тоже пошел на убыль, расхотелось продолжать загодя, ночами не раз, мысленно проговоренную тираду.

Затянувшуюся паузу, в конце концов, нарушил хозяин кабинета. Ткнул ладонью в венский стул у длинного мореного дуба стола, торцом приставленного к еще более массивному двухтумбовому, за которым восседал:

– Садись, Кусмарцев. – И тут же коротко хохотнул: – Ах, да! Присаживайся, конечно. Давай, в ногах правды нет.

И, снова с коротким смешком, добавил:

– За тобой ее тоже нет. Юлишь чего-то... А чего юлишь?

Григорий медленно перевел взгляд с окна на Перского. Тот выглядел уверенным и невозмутимым.

– Присаживайся пока, – с ехидцей повторил, катая на языке это «присаживайся» с тем самым смыслом, который понятен только в «органах»: садиться возможно только на скамью подсудимых или в тюрьму.

Григорий опустил на стул, скользнул взглядом по столу. Перед Перским лежала картонная папка, на обложке которой отчетливо чернели крупные строки: «Дело №... по обвинению...», но глаза выцепили этикетку лежавшей у левой руки хозяина кабинета папиросной коробки. Мучительно захотелось закурить, но Григорий отвлек себя: «Ишь, в большие начальники метит, на товарища Сталина походить хочет... «Герцеговину флор» потягивает, засранец...»

Перский уловил взгляд арестованного, откинулся на спинку кресла, громыхнул, чуть склонившись набок, нижним правым ящиком стола и бросил Григорию через стол полпачки «звездочек», а следом – спичечный коробок.

– Кури, Кусмарцев.

«Дистанцию, сволота, уже определил!» – не скрываясь, Григорий криво усмехнулся, но закурил с жадностью. И сразу почувствовал, как закружилась голова.

– Я пригласил вас, Кусмарцев, – Перский перешел на «вы», что в сочетании с «пригласил» звучало как-то особенно изощренно-издевательски, – чтобы ознакомить с предъявленным обвинением. Начнем с формальностей. Итак, Кусмарцев Григорий Павлович, одна тыща второго года рождения...

– Четвертого... четвертого года.

Перский на секунду замешкался, вскинул и снова опустил глаза в бумаги.

– Четырнадцати лет в красногвардейцы не брали, – презрительно усмехнулся Григорий. И тут же пожалел, что выбрал такую линию поведения, – в глазах чекистского начальника заплясали злые огоньки.

– Героя из себя корчишь? Ты свое геройское прошлое не приплетай. Про настоящее поговорим. А настоящее, гражданин Кусмарцев, выглядит следующим образом... – Перский нарочито скучным, но твердым, чеканным голосом принялся читать казенные формулировки: «Гражданин Кусмарцев Г.П., пробравшись в органы НКВД, систематически занимался антисоветской контрреволюционной деятельностью... в связи с чем подлежит аресту и привлечению к уголовной ответственности по статьям 58-1, пункт «а», и 193-17, пункт «б», УК РСФСР».

– Ловко склепали... Контру, стало быть, выявили? – Григорий с ненавистью глянул на Перского. – Это вас тут всех надо привлекать «по статье»! Дай бумагу, прокурору буду писать! Имею право! Твой Попов мне десятого – ордер в нос, а ордерок-то девятым числом выписан, на-ка-ну-не! Таким образом, я провел в камере без санкции прокурора и наркома восемнадцать дней! Восемнадцать дней, Перский, с каким-то антисоветским сбродом! В чекистской форме!..

– А ну-ка, закрой пасть свою вонючую... – медленно багровея, Перский медленно поднимался из-за стола. – Тварь фашистская... Проститутка троцкистская!

– Это ты всё, сука, о себе! – Григорий тоже встал со стула, припечатав в адрес Перского пару выражений покрепче.

И тут же в глазах вспыхнуло – стоявшие у дверей конвоиры подскочили: один ударил под колени, другой – по голове. Григорий рухнул на пол. В бок впечатался удар сапогом, а дальше они посыпались градом – под ребра, в голову! Молча, лишь сопя от усердия, конвоиры месили поджавшего колени к подбородку Григория, безуспешно пытающегося прикрыть голову руками. Больно их выворачивая на излом, мордовороты вздернули арестованного на ноги.

– Всё ты расскажешь, всё подпишешь, – прошипел, приблизив багровую харю, Перский и плюнул Григорию в лицо. Зло хохотнув, вернулся, сгоняя большими пальцами обеих рук складки гимнастерки под ремнем назад. Вальяжно откинулся в кресле:

– Что ты – контра, сомнений у нас нет. Вовремя тебя разоблачили, падлу. – Согнутым пальцем Перский демонстративно и торжествующе постучал по стопке бумаг. – Выкладывай все самолично! Кто тебя, говнюка, завербовал? Кто из членов каэрорганизации имеешь на связи? Кого, сволочь, сам вербовал? Какие задачи как шпион выполнял...

Григорий сплюнул на вощенный до блеска пол кровавый сгусток. (Прилетело таки по зубам!).

– Совсем охренели... Слушай, Перский, ты же не идиот! Ни в каких контрреволюционных организациях я не состоял! Ополумели, что ли?! Какая каэрдеятельность? Водку я пил с тобою, а не партию предавал. У меня ни сомнений, ни колебаний в линии партии...

– Не трожь партию, гнида!

– Гнида?! Ты, крыса кабинетная, да я всю жизнь... Я на фронтах!..

– Заткнись! «На фронтах»! – передразнил, щурясь Перский, цинично осклабился: – Был там, сбоку... – Он приподнял свое упитанное тело над столом, опираясь на прямые руки. – Маскировался ты, гад, все время. Контрреволюционер с семнадцатого года, фашист и шпион – вот ты кто! И лучше подумай, как от свинцовой примочки тыкву свою гнилую с грязной задницей спасти. Чистосердечненько!

– А хрен тебе этого дожидаться! Чтобы я на себя тебе в угоду наговаривал! Я был и остаюсь честным человеком, не пример тебе, жополизу!

– Не надо! Отставить! – рыкнул Перский на замахнувшегося конвоира, подскочил к Григорию. – Посмотрим на этого стойкого борца. В угол его, сюда! Стоять, сука! По стойке «смирно» стоять!

Перский вернулся к столу, надавил кнопку под столешницей.

Вскоре в кабинете появился хорошо знакомый Григорию оперуполномоченный Лысов, уселся за приставной стол, задымил папиросой. Перский выставил конвоиров за дверь. Снова посыпались вопросы: кто завербовал, кого завербовал?..

VII

Наступило утро. Григорий еле держался на ногах. На вопросы Перского и Лысова не отвечал, повторяя, что никакого преступления не совершал, показывать ему нечего и наговаривать не на кого.

Позевывая, хозяин кабинета лениво собрал листы дела в папку, запер в несгораемый шкаф

– Пойдем, Лысов, хватит эту шарманку слушать. Слышь, Кусмарцев, надоело. Постой тут и хорошенько подумай. Хорошенько, Кусмарцев, с чувством, с толком, с расстановкой... А мы подождем немного. Да, Лысов?

– Подождем маленько, мы терпеливые! – засмеялся Лысов. – Отдыхай, гражданин шпион!

После их ухода Григорий «стойку» выдержал еще с полчаса. Больше одеревеневшие ноги не послушались – рухнул кулем на пол. Сквозь полубеспамятство почувствовал, как кто-то, сыпя матом, вошел в кабинет, пнул в бок. Два удара по щекам привели Григория в чувство. Снова вздернули на ноги. Вплотную перед глазами возникла одуловатая физиономия Попова:

– Стой, сука, как поставили!

И снова хлопнула дверь.

В кабинете никто не появлялся. Бледный солнечный луч, просочившись между плотными шторами, медленно пол по полу. Григорий приспособился: чуть прислонился к стене, время от времени перенося тяжесть тела с одной ноги на другую. Но и с этой уловкой «стойка» с каждой минутой становилась все мучительнее и мучительнее. И через пару часов Григорий снова потерял сознание. И снова его подняли на ноги, пиная и выворачивая суставы. Так повторялось несколько раз, пока кабинет не стал наполняться сиреневыми сумерками. Опасливо заглянувший в створку двери конвоир щелкнул выключателем. Комната от вспыхнувшей пятирожковой люстры под напрочь потерявшимся вверху потолком – сил и желания поднять к нему глаза у Григория не было – казалась огромной, с дрожавшими, словно в степном мареве, углами. Кусмарцев уже давно перестал чувствовать ноги, тупое безразличие, казалось, полностью овладело им.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда в кабинете появился свежий и румяный с мороза Перский. Шагнул к Григорию, смерил взглядом, слегка покачиваясь с носка на каблук, пахнул в лицо хорошим табаком и еле уловимым коньячным духом.

– Неважно выглядишь, Григорий Павлович. Ну, что надумал? Хорошо думалось, а?

Григорий равнодушно молчал, уперевшись мутным взглядом в елочку паркета.

– Тэк-с... Не прочувствовал еще, не прочувствовал. Па-а-нятно... Ладно, стой, размышляй. А у меня как раз время с бумагами поработать образуется.

Григорий не помнил – всегда ли оставался Перский в кабинете или выходил, кто еще и сколько раз появлялся в кабинете, падал он опять на пол в беспамятстве или нет, били его еще или только вздергивали на «стойку»... Все перемешалось в голове, счет времени и ощущения реальности происходящего пропали. Вроде бы, кто-то все-таки периодически Григория

дергал, тычками приводил в сознание... Вроде бы даже плескали водой в лицо – запомнилось, как он пытался ее слизывать с губ распухшим и изодравшим десны языком. А потом и язык перестал слушаться...

Когда Григорий очнулся в камере, проспав почти сутки – не дергали наверх специально, сообразил Григорий, – на контрасте работают – метод известный: измучить по максимуму, потом дать передышку и – снова...

– Какое число?

– Восемнадцатое, – ответил кто-то из сокамерников.

– Восемнадцатое... – эхом отозвался Григорий. «В камере со вчерашнего дня... Значит, на «стойке» пять суток продержали...»

СВИДЕТЕЛЬСТВО-I

«27 февраля вторично вызывают на допрос, снова Перский требует дать показания о несуществующей моей к.р. деятельности. Я дать такие показания отказываюсь, тогда Перский избивает кулаками по лицу, груди, давит ножкой стола пальцы на ногах. После избиения отправляет снова в тюрьму.

26 марта 1938 года в третий раз Перский вызывает на допрос. Нахожусь на непрерывном допросе до 30 марта. В этот раз меня Перский вторично избивает кулаками по лицу, груди, плечам, искалывает грудь карандашом, давил ножкой стула пальцы на ногах, заставлял сидеть на ножке табуретки конечностью позвоночного столба. Я не выдерживаю этого истязания, падаю, меня силой сажают на ножку табуретки, заставляют вытягивать ноги, руки, сидеть в таком положении. Заставляют писать показания, что я шпион, участник правотроцкистской организации и т.д. Допрашивают Перский и его сотрудник Чернобай. Прошу у Чернобая разрешения постоять, а не сидеть, в связи с тем, что во время гражданской войны был ранен и контужен, ввиду чего у меня болит спина. Но Чернобай приказал сидеть на ножке табуретки, боль адская. Нахожусь на допросе 4 суток. Перский меня сильно избил кулаками, головой ударял о стенку... Я вижу, что больше истязаний не выдержу, лучше пускай расстреляют... Но Перский заявил, что он меня заставит говорить, что он меня изуродует, оставит только правую руку, чтобы я писал показания, семью мою всю арестуют... Я решил быть расстрелянным, но – и в этом проявил неустойчивость. Я считал, что клевета на себя, я все же принесу пользу партии и Родине тем, чтобы другие подняли свою бдительность, приглядываясь даже к близким своим товарищам, с кем проработали даже несколько лет...

КУСМАРЦЕВ Г.П.

19 сентября 1939 года.»

СВИДЕТЕЛЬСТВО-II

«26 марта под диктовку Перского я написал показания о том, что я шпион и участник к.р. право-троцкистской организации. Я привербовался к КИРИЧЕНКО – бывшему секретарю Партколлегии Иркутской области, с которым был в 1920 году на фронте: я знал, что он арестован. Показывать на лиц, которые на свободе, как от меня требовал Перский, я не хотел, не хотел подвергать их той участи, что испытывал я. По указанию и под диктовку Перского 4 раза переписывал показания, пока полностью не удовлетворил его.

В это время в Иркутске таким же путем пом.нач. 3 отдела ст.лейтенант Дьячков и сержант Родовский выбивают от ЭЙКЕРТА Фридриха Эрнестовича, лейтенанта милиции, работника НКВД УССР, показания на меня, что он меня завербовал в японскую разведку. Причем, Дьячков и Родовский Эйкерт прямо говорили и называли фамилии, на кого он должен показать, жестоко избивали Эйкерта, он в камеру попадал весь синий после допросов. Об этом мне говорил СЛОБОДЧИКОВ Михаил, бывший секретарь Читинского Горкома ВЛКСМ, с которым мне пришлось просидеть в октябре месяце один день во внутренней тюрьме УНКВД по Читинской области.»

ЖЕРТВЫ И ПАЛАЧИ (II)

В апреле 1938 года бывшего секретаря Читинского ГК комсомола М. Слободчикова подвергли непрерывному 15-дневному допросу, во время которого сотрудники УНКВД по Читинской области капитан Врачев, старший лейтенант Белоногов, сержанты Сагалов, Букин, младший лейтенант Блинов били подозреваемого палкой (резина с железом) до потери сознания. В камере Слободчиков вставать не мог, товарищи носили его на парашу, все тело было в огромных кровопотеках. Позднее в 1939 году, он был оправдан и освобожден.

Систематически избивали на допросах в октябре 1938 года бывшего секретаря Нерзаводского РК ВКП(б), члена партии с 1920 года, Сергея Андреевича Вишневого, потомственного рабочего. Били – пом. начальника 4 отдела УНКВД Белоногов и младший лейтенант госбезопасности Краснорудский.

С июня 1938-го и по февраль 1939-го систематически избивался на допросах бывший секретарь Красночикийского РК ВКП(б), бывший красный партизан, Георгий Иванович Сысоев. Били за отказ давать показания – сержант Никитин, оперуполномоченный 2-го отдела УНКВД, старший лейтенант Белоногов и оперуполномоченный Жилев. Они же зверски избивали на допросах в июле тридцать восьмого Николая Георгиевича Сухова, до ареста работавшего заместителем председателя Чернышевского райисполкома.

В апреле 38-го резиной, палкой били арестованного Кудрявцева, работника читинского спецторга, оперуполномоченные Чуксин и начальник отделения 3 отдела УНКВД сержант госбезопасности Дукельский. На допросе держали по нескольку дней, ставили вниз головой, не давали садиться. Осенью 1939 года Кудрявцев был освобожден, дело в отношении его прекращено.

Пятидесятилетнего механика читинской электростанции Анзылова в апреле 1938 года четверо суток подряд допрашивал сержант ГБ Губанов, избивая арестованного резиной и ножкой от стула, заставлял подписать протокол, в котором собственноручно сочинил его, Анзылова, «показания» о тридцатилетней контрреволюционной деятельности, признания в том, что механик «весь период советской власти был врагом своему делу».

В мае 1938 года в течение пяти дней, надев на арестованного наручники, старший лейтенант ГБ Белоногов, сержанты Филиппов и младший лейтенант Краснорудский палкой били по пяткам заместителя редактора областной газеты «Забайкальский рабочий», члена ВКП(б) с 19245 года Константина Александровича Рубцова за отказ от показаний. В ноябре и декабре 38-го за это же Рубцова истязал начальник 2 отдела УНКВД старший лейтенант Фельдман. 12 июня 1939 года Военным трибуналом ЗабВО К.А. Рубцов был оправдан, его восстановили в партии и на работе.

В середине 1939 года освобожден бывший помощник начальника отделения Особого Отдела ЗабВО лейтенант госбезопасности Манкевич. Под арестом и следствием находился более года, в феврале 38-го на непрерывном 15-суточном допросе зверски избивался, до потери сознания, особоуполномоченным Перским и его помощниками Новиковым и Чернобаем.

Ранее работавший машинистом, а затем оперуполномоченным дорожно-транспортного отдела НКВД по железной дороге им. Молотова сержант госбезопасности Каширин в январе 1938 года был жестоко избит на допросе в Иркутском УНКВД особоуполномоченным Шевелевым и его помощником Потемкиным. Ретивые следователи отбили арестованному коллеге почки. В июне 1939 года Каширин был освобожден из-под стражи полным инвалидом.

СВИДЕТЕЛЬСТВО-III

«20 мая я подписываю напечатанные Перским показания о своем участии в к.р. право-троцкистской организации.

25 мая Перский потребовал дать новые показания, т.к. по его словам, я еще не рассказал полностью о своей к.р. деятельности, потребовал указать в показаниях как участников к.р. организации КОСИНЕНКО – начальника административно-хозяйственного отдела УНКВД по Читинской области, ЦЕХАНОВИЧА – начальника дорожно-транспортного отдела НКВД Восточно-

Сибирской ж.д. и других. Я дать на них показания отказался... Я потребовал от Перского передать мою жалобу, которую я написал на имя Военного прокурора Забайкальского Военного округа и Военного прокурора войск НКВД Восточно-Сибирского округа. Этим заявлением я хотел рассказать о всей провокационной деятельности Перского и других следователей УНКВД по Читинской области. Жалоба моя пропала.

В начале сентября 1938 года я потребовал от начальника внутренней тюрьмы Лысенкова бумаги, для того, чтобы написать заявление на имя Наркома Внутренних Дел СССР, о том, что мои показания ложны, что в УНКВД по Читин. области занимаются вымогательством показаний и т.д. вместо этого, по указанию Перского, меня сажают в холодный карцер, где я нахожусь 6 суток...

17 сентября меня вызывает на допрос Перский, требует подтвердить мои ложные показания, я отказываюсь, тогда Перский меня вновь избивает кулаками по лицу, шее, бьет головой о стену. Я, несмотря на это, отказываюсь подтверждать показания. Тогда Перский предъявляет мне обвинение, что являюсь «участником право-троцкистской организации и японо-немецким агентом», а за то, что накануне, 11 сентября, я написал заявление в НКВД СССР, Перский сажает меня в подвал в мокрую камеру, где я нахожусь четыре месяца в тяжелых условиях: отсутствие вентиляции, свежего воздуха и в воде.

16 декабря 1938 года меня вызывает на допрос нач. 2 отдела ст. лейтенант Фельдман, который также настаивает на подтверждении моих ложных показаний, я отказываюсь, заявляя, что лучше пусть меня расстреляют, но я буду честным перед Партией и Родиной до конца.»

VIII

Костлявыми, цепкими пальцами Фельдман ловко ухватил Григория за волосы на виске, с размаху ударил лицом о столешницу. У Григория из разбитого носа и лопнувшей губы запузырилась кровь. Фельдман брезгливо отшатнулся, достал из кармана бриджей носовой платок, тщательно вытирая пальцы, вернулся к своему месту за столом, уставленным помпезным письменным прибором каслинского литья, телефонными аппаратами, бронзовыми бюстиками Вождя и Железного Феликса и массой всевозможных канцелярских приамбасов.

— Подбери юшку, герой! — Мучитель издевательски захохотал, смахнул лишь ему видимую пушинку с гимнастерки дорогого коверкота, поправил кругляш блеснувшего темно-вишневой эмалью и серебром знак «Почетного чекиста».

— Тебя, Кусмарцев, бесспорно, расстреляют, — удовлетворенно рассматривая свою жертву, чуть картавя, сказал Фельдман. — И в этом, драгоценный, я тебе постараюсь помочь. Сделать это, Григорий Палыч... Ха-ха-ха! Что, давно так тебя не величали? Ха-ха-ха! Так вот, сделать это несложно.

Он снова выскочил из-за стола, навис над Григорием, вкрадчиво зашептал в ухо:

– Твоя писанина даже на подтирку не годится, гаденыш... Бумагу напрасно переводишь... Пиши, пиши, недолго осталось... И показания твои мне на хрен не сдались, хоть под каждой строчкой подпишешься, хоть сожрешь их прямо здесь. Будешь показания жрать? А то давай... И воды налью – запивать... Ты что же думаешь, гаденыш, если ты ко мне от Перского попал, так сможешь вывернуться ужом? Подбери сопли, герой... Распрями свои, хе-хе, мужественные плечи... Уже давненько водочкой не баловался? Давненько... Вот и напряги свою отдохнувшую бошку, вспомни, какую установку дал беспощадным чекистским органам товарищ Сталин: с корнем выкорчевывать врагов всех мастей... Ты часто пропускал занятия по политической подготовке, Кусмарцев, поэтому не усвоил учение товарища Сталина о том, что по мере строительства социализма классовая борьба становится более и более ожесточенной... Ай-яй-яй, Кусмарцев!.. Ну, ничего... Мы подлечим твою память, подлечим...

Фельдман отошел от Григория, бессильно опустившего голову на грудь, молодцевато прошелся по кабинету, поскрипывая сапожным хромом, подровнял на краю стола стопку бумаг, поправил качнувшееся от его прикосновения увесистое пресс-папье, любовно прошелся ладонью по кожаному бювару. Резво впрыгнул в огромное, с высокой, инкрустированной спинкой кресло, уселся поудобнее и вперился в Григория глубоко посаженными глазами с желтыми белками переболевшего гепатитом человека. Заулыбался, обнажая неровные резцы:

– А я ведь обманул тебя, Кусмарцев!

Григорий поднял голову.

– Да, драгоценный ты наш Григорий Палыч! Обманул! Тебя обязательно поставят к стенке, впрочем, ты же знаешь, мы давным-давно никого к стенке не ставим. Мы ставим врага на колени! И завершаем его подлое и мерзкое существование на земле свинцовой точкой в затылок!

Фельдман перевел дух.

– Но я и не обещал тебе, Кусмарцев, вместо расстрела лесоповал на свежем воздухе. Не-е-ет, драгоценный, сей священный акт революционного возмездия неотвратим, как мировая революция. – Фельдман откровенно куражился, упиваясь собственным красноречием.

Григорий смотрел на чернявого сморчка и думал о том, насколько же прав был Ильич, писавший о способности подобных типов заболтать любое дело, умело примазаться к сильному, независимо от того, какие цвета этот властитель носит. Григорий вдруг представил начальника 2-го отдела не в коверкотовой гимнастерке старшего комсостава, а в замызганном грязью и кровью, пропитанном вонючим потом белогвардейском кителе. И не в кабинете, среди столь любимых Фельдманом бюрократических финтифлюшек, а в мрачном подвале врангелевской или деникинской контрразведки. «А он и там был бы к месту, – спокойно подумалось Григорию. – Везде свой, везде сгодится, где заплечная работенка водится... Куда угодно переметнется, если приспичит, а запахнет жареным там, –

обратно без мыла влезет и не поморщится. Вот он, настоящий враг. Не потому ли и столь ретив в поисках врагов трудового народа, что режет не его врагов, а сам народ?...»

– ...Я обманул тебя, Кусмарцев, в другом, – продолжал разглагольствовать Фельдман. – Я пообещал тебе скорой смерти. Но это слишком легкое избавление, драгоценный, для тебя. Не-е-ет, ты еще поживешь. Ты подпишешь еще много интересных бумаг. А за этими бумагами будут стоять такие же жалкие ублюдки, как ты... И их золотушные домочадцы – весь человеческий мусор, в котором вязнет идущая вперед страна. Вы – балласт, Кусмарцев и компания, вы – грибок и плесень на здоровом теле, присосавшиеся пиявки, отравляющие пролетарскую кровь! Фашистские свиньи и подсвинки, прихвостни кроважадного микадо!..

Фельдман уже вещал почти в полный голос.

– Слышь, старлей, не мечи бисер, – хрипло проговорил Григорий, от чего Фельдман чуть не подавился собственными словами и слюной. – Перед тобой фашистская свинья сидит, а ты – мечешь, и мечешь, и мечешь...

Фельдман пристально оглядел арестованного, неторопливо поднялся из кресла, подошел к Григорию, пытливо уставился в глаза и внезапно, без размаха, ударил его кулаком в лицо, отпрокидывая навзничь на пол. А потом набросился коршуном, что-то бессвязно выкрикивая, пинал и пинал своими щегольскими, с голяшками бутылкой и модельными каблуками рюмочкой, сапогами. Сунувшийся на крик в кабинет конвоир тут же юркнул обратно в коридор.

Вместо эпиграфа-4

Мы отвергаем понятие правового государства... Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие «правового государства» к Советскому государству, то это значит, что он идет на поводу у буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве.

Л.М. КАГАНОВИЧ

4 ноября 1929 года.

4. «Эпоха Малого Реабилитанса»

I

Григорий тяжело повернулся на узкой, сваренной из железных полос тюремной лежанке – шконке, отворачиваясь от бившей в глаза лампочки, забранной решеткой над дверью камеры. После допроса у Фельдмана его бросили в одиночку. В прямом смысле слова, бросили – самостоятельно он передвигаться не мог.

По сочащейся сыростью стене, тщательно огибая черно-зеленый развод плесени, неспешно ползла здоровенная жирная мокрица. Матерясь и скрипя зубами от боли, Григорий сбил ее щелчком на пол, кое-как привел себя в вертикальное положение, спустив ноги со шконки.

Воды на полу, как ему показалось, поубавилось. По ногам ощутимо несло холодом, это чувствовалось даже через порыжелые и разваливающие от постоянной сырости сапоги. С какой-то отстраненной грустью Григорий попытался вспомнить себя в этом бывшем хромовом шике – ладного, крепко перетянутого ремнями форменного снаряжения, в добротной суконной гимнастерке и сшитых с щегольским напуском синих диагоналевых бриджах... Эх...

Всё, видимо, напрасно. Пока дойдут до Читы перемены... А почему он решил, что они вообще будут, эти перемены? Одна шайка... Спалился на чем-то верный слуга, вот Хозяин и заменил его на другого. По крайней мере, новый нарком ударно боролся с врагами народа в Грузии, и вряд ли эта борьба чем-то принципиально отличалась от читинской или иркутской. Но даже если это не так, и Хозяин действительно нашел честного чекиста – ему-то, Григорию, что с того? Пока Хозяин и новый нарком разберутся с врагами, пробравшимися в сам Наркомат, тут, на таком отшибе от Москвы, сплоченная ежовская братия быстренько заметет все следы провокаций, пыток, издевательств и убийств. Сноровисто, привычно умело, сведут в глухой подвал, собьют тычком на колени перед общитой толстыми деревянными плахами – от рикошета – стеной в пулевых выщерблинах и черно-бурых пятнах-брызгах... Бухнет бывший сослуживец без театральной читки «приговора» и рассусоливаний про «последнее желание» из безотказного «нагана» в затылок; поддатенький доктор для проформы сунется к свежему труп; бумажку-квитанцию подпишут – о «приведении в

исполнение»... А после закинут все, что от него, Григория, осталось, в брезентово-дощатый короб «ЗиСа»-трехтонки – к таким же полуостывшим «жмурикам» очередного ночного «конвейера», и – вперед, по замершим от ночного ужаса читинским улицам, – в Сухую падь, за Смоленку, или к Кайдаловке на Новые места, к тыльной стороне старочитинского кладбища, где загодя припасена яма...

Григорий устало прикрыл заплывшие глаза. Тупо ныли сломанные ребра, при неловких движениях или судорожном вздохе резавшие острой болью, высверливала виски токаящая боль от развороченной нижней челюсти. Вдруг ярко, как в «волшебном фонаре», представилась картина: его, Григория, уже нет, он уже где-то в яме, среди других, щедро усыпанных хлорной известью трупов с размозженными затылками. А в кабинете начальника управления стоит, раскрыв папку, подтянутый и суровый, в немалом ранге, посланец из Москвы. Перед ним – в наручниках, без ремней, отчего фасонистые коверкотовые гимнастерки выглядят балахонами беременных баб, – сам Хорхорин, его правая рука Перский, рядом – Фельдман, Новиков, Чепенко с Поповым... И суровый чекист из Наркомата говорит им зловеще: истинных солдат революции сгубили, сволочи! А сам достает из папки его, Григория, жалобу и тычет ею обосравшегося со страху Хорхорина в рыло...

Картина поблекла. Чушь психическая! Никогда этого не будет. Одна шайка... всё оседает здесь, не покидая стен управления.

А может, и нет их, никаких перемен? Соврал надзиратель или на очередную «удочку» ловил...

Григорий медленно поднялся на ноги, не обращая внимания на ставшую уже привычной боль, хромая, сделал пару шагов по каменному мешку, уже машинально ставя ступни с опорой больше на пятки, – опухшие пальцы ног по-другому ступать не позволяли, как и не вызывали желания лишний раз стащить с ног сапоги: натянуть их снова, воглые от сырости, на распухшие колотушки ступней и икр было настолько болезненно, что Григорий лишний раз старался этого не делать. А при вызове на допрос сделать это и вообще невозможно – у любого надзирателя терпение от ожидания лопнет, а значит – заполучи очередную порцию пинков и зуботычин.

Где-то далеко по подвалу гроыхнуло железо, раздались крики, потом всё стихло. Григорий с тоской глянул на тяжелую дверь. Не выбраться ему отсюда.»Карающий меч революции беспощаден к врагам!» – вспомнился кумачовый лозунг, которым на двадцатилетие ВЧК–ОГПУ–НКВД был украшен стол президиума торжественного собрания. Кто они, эти враги? Недобитый кулак и вредитель-интеллигент, белогвардейская крыса с «маузером» и карабином в ононских увалах или узкоглазая японская рожа за зеркальным стеклом транссибирского экспресса? Нет, не полная обойма! В нее еще чекиста Кусмарцева вставить – кровь из носу. Без него злодейский паноптикум неполон и блекл. И он, выходит по всему, – самый опасный и коварный враг. В славные чекистские ряды пробрался!

Снова представился справедливый, но запоздалый столичный спаситель. А как бы и не запоздал? Но не сам ли Григорий любил повторять, что дыма без

огня не бывает? Любые перемены добела не отмоют... Залепили братцы-товарищи грязью и дерьмом по самую макушку... Небось, вечером привычно сдвинули стаканы за большой чекистский успех – разоблаченного собутыльника... Или каждый в одиночку хмельным пойлом давился.

Любые перемены не отмоют... Случись чудо – выйди оболганный чекист Кусмарцев на вольный белый свет – и что? А за спиной – шепоток, а в синей папке личного дела – компрометирующая запись: привлекался... Волчий билет на остаток жизни. Да и не будет этого чуда! Как, вон, Фельдман, крыса канцелярская, недомерок картавый, который где-то отсиживался, щупая девок, пока он, красный кавалерист Кусмарцев, рубился с белякам, гоголем расхаживает по персональному кабинету и не раздумывая бьет в лицо кулаком, с каким чувством превосходства, с какой уверенностью обещает «контре» Григорию пулю в затылок... А вот и шалишь, гад! Не получишь ты Кусмарцева!

Пришедшее на ум не относилось к сиеминутному откровению. Давно уже задумывался об этом Григорий. Последние годы работы в «конторе» убедили окончательно: коготок увяз – всей птичке пропасть. Да и не было больше мочи терпеть изощренные побои и издевательства в знакомых кабинетах. Они не сломили дух – изуродовали тело. Каждый новый мучитель из числа старых сослуживцев и бражников норовил изобрести что-то свое: бить металлической портновской линейкой по пяткам; заставлять часами читать, держа на вытянутых руках, полупудовую, в латунном окладе, Библию, изъятую на обыске у какого-то попа, – а опускаются с этой тяжестью руки – получи в зубы и дальше читай!.. Много таких изобретений у хозяев следственных кабинетов. Только раньше Григорий не замечал этой садистской смекалки, пока до него самого очередь не дошла... Хватит! Шиш вам с маслом и хреном по мордасам!

Григорий решительно стащил с плеч, кривясь и постанывая, донельзя засаленную гимнастерку, бросил ее на шконку, стянул кое-как желтую, заскорузлую исподнюю рубаху. Снова опустившись на лежанку, принялся непослушными руками раздирать рубаху на мохрящиеся бязевые ленты. Крепко связывал их, скручивал жгутом и заплетал в подобие веревки. Все это заняло часа полтора. Напоследок повозил веревочной петлей по осклизлой плесени – «намылил». Колено трубы в правом углу у дверей Григорий заприметил давно. С краешка шконки, если узел на самом конце веревки затянуть, – как раз, а труба выдержит, – повисал на ней, проверяя.

Лихорадочно оглянулся на глазок в двери – показалось, что надзиратель подкрался. Нет, только показалось. Ну, все... Прощай, Григорий Кусмарцев, аминь...

Некстати, не вовремя в голове мелькнуло то, что Григорий беспощадно гнал от себя все эти кошмарные месяцы: как там они, жена, малые?..

Григорий с остервенением выругался, протащил через боль вонючую веревку через голову, туго затянул петлю на шее и, зажмурившись, оттолкнулся ногами от шконки...

ИНФОРМАЦИЯ (2)

Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 года Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ) ликвидировано как самостоятельный орган и вошло на правах Главного управления государственной безопасности в Наркомат внутренних дел Союза ССР. Этим же постановлением в составе НКВД учреждалось Особое совещание (ОСО) при наркомате, наделенное правом выносить приговоры о заключении в исправительно-трудовые лагеря, ссылке и высылке на срок до пяти лет или высылке за пределы СССР лиц, «признаваемых общественно опасными». В состав ОСО, возглавляемого наркомвнутделом входили его замы, Уполномоченный НКВД СССР по РСФСР, начальник Главного управления рабоче-крестьянской милиции и нарком внутренних дел союзной республики, на территории которой возбуждено уголовное дело, рассматриваемое ОСО.

27 мая 1935 года приказом НКВД СССР в органах внутренних дел республиканского, краевого и областного звена, подчиненных непосредственно центру (НКВД–УНКВД автономных республик, краев и областей РСФСР, в первую очередь), образованы особые «тройки» НКВД, на которые распространялись права ОСО.

В соответствии с приказом НКВД СССР от 30 июля 1937 года «тройкам» предписывалось при рассмотрении дел применять две категории наказания: «наиболее враждебные» преступные элементы подлежали расстрелу, остальные (2-я категория) – заключению в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет.

Этим же приказом утверждался персональный состав «троек»: наркомвнутдел республики или начальник краевого (областного) управления НКВД, первый секретарь соответствующего территориального комитета ВКП(б) и прокурор республики, края или области.

Еще два приказа НКВД СССР, от 11 августа и 20 сентября 1937 года, при проведении массовых операций разрешали чинить суд и расправу «двойками» в составе начальника УНКВД и местного прокурора. Действовала и «высшая двойка» – тандем Председателя Верховного Суда СССР и Прокурора Союза ССР.

Внесудебные карательные органы, каковыми являлись «тройки» и «двойки», были ликвидированы приказом НКВД СССР от 26 ноября 1938 года во исполнение постановления Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Обнародование этого постановления, больше известного, как постановление о «перегибах» в органах внутренних дел, создало устойчивый миф, всячески раздуваемый новым наркомвнутделом Л.П. Берия и его окружением, о якобы решительной борьбе с царящим в органах НКВД произволом и «попиранием норм социалистической

законности Ежовым и его кликой». Сам Ежов оказался в скоротечной опале, как и его ставленники на местах.

В декабре 1938 года в их числе был арестован и начальник УНКВД по Читинской области майор госбезопасности Г.С. Хорхорин. Его заменил прибывший в Читу с «мандатом Наркомата» капитан госбезопасности П.Т. Куприн. Он проначальствует неполных одиннадцать месяцев, получит звание майора ГБ (соответствовало званию полковника Красной Армии) и будет срочно переведен начальником управления в Хабаровск (его предшественник на этом посту сбежит, опасаясь репрессий, в Маньчжоу-Го). В феврале 1941 года Куприна переводят на должность начальника УНКВД по Ленинградской области (назначение санкционировал лично И. Сталин) и присваивают генеральское звание – комиссара госбезопасности №-го ранга (соответствовало армейскому званию генерал-лейтенанта). 11 ноября 1942 г. начальник 3-го Управления ГУГБ НКВД СССР (контрразведка на территории СССР) П.Т. Куприн погиб (самолет, на котором он летел в Москву, был сбит над Ладожским озером и упал в воду в районе поселка Морье в 300 метрах от берега).

II

Свести счеты с жизнью Григорию не дал надзиратель. Он вытащил Кусмарцева из петли. Три дня Григорий провел под неусыпным наблюдением, а 21 декабря его привели к новому начальнику управления.

Куприн особо не церемонился. На Григория смотрел с презрением, лишь сухо процедил, что написанные им, Кусмарцевым, жалобы и заявления будут по его поручению изучены. Однако, дал команду, чтобы арестованным занялись доктора и распорядился из одиночки перевести в общую камеру.

Здесь Григорий встретил одного из бывших сокамерников, инженера Адамовича. Тот много чего ему порассказал.

Про бывшего директора совхоза УНКВД, известного красного партизана Димова, которого на непрерывном допросе держали 43(!) дня и все время били. Димова Григорий знал – честнейший человек, в гражданскую партизанской бригадой командовал. Адамович рассказал, что когда Димова принесли в камеру, то пришлось разрезать на нем валенки, так распухли ноги – кожа лопнула от непрерывного стояния. Димов сообщил, что на него и других бывших партизан дал ложные показания некто Петелин, бывший эсер. Оклеветал многих – Толстокулакова, Читчеева, Якимова. А били Димова каты известные – Перский, Белоногов, замнач УНКВД Крылов и бывший прямой начальник Григория – лейтенант Новиков.

– Довелось, Григорий, еще с одним из ваших камеру делить, – поведал с какой-то виноватой улыбкой Адамович.

– Кто такой? – живо поинтересовался Кусмарцев.

– Невелов Борис.

– Знаю.

Лейтенант госбезопасности Борис Невелов возглавлял иностранный отдел управления.

– Его Перский двенадцать суток допрашивал! – со страхом проговорил Адамович. – Ему Невелов человек полста заложил!..

– Врешь!

– Ей-богу, как на святом духу! Он сам про это в камере признавался.

– Ну, это ты уже хватил! – покачал головой Григорий. – Кто ж в таком сознается прилюдно!

– Истинный крест! – с обидой сказал Адамович. – Так, мол, и так – специально это делает, чтобы затянуть следствие, запутать побольше людей...

– Ну, ты сам подумай – какой ему в этом резон?

– Так он чего хотел-то: чтобы его в Москву забрали для дальнейшего следствия.

– И что, забрали его в Москву?

– Не знаю... – Адамович растерянно пожал плечами.

– И кого же он заложил, не сказывал?

– Сказывал. Многих фамилий не помню, лишь некоторые, но все ваши, чекисты. М-м... Андреев Владимир, Иван Дятлов, Бошкин Антон, Запороженко...

– Вот гад! – выругался Григорий.

– А еще летом со мной сидел Блинов такой, вроде бы тоже...

– Знаю, – буркнул Григорий. Это был оперуполномоченный Особого Отдела ЗабВо по 11-му мотомехкорпусу, сержант госбезопасности. И снова Григорий поразился масштабом арестов. – Ну, и что Блинов?

– Забрали его, – торопливым шепотом рассказывал Адамович, – видимо, в чем был. Никаких вещей и принадлежностей у него не было. Даже подушка с одеялом Калашникова...

– Кто это?

– Он с Блиновым до меня в камере сидел. Юрисконсульт, по-моему, с Шубстроя. Его по весне так на допросах избили, что в камеру привели уже сошедшего с ума. Ничего не мог, под себя оправлялся... Потом забрали в больницу, но он там вскорости умер... Да, да, так и было. Это может подтвердить Сенчанский, он тоже в этой камере сидел...

Сенчанского, бывшего начальника лагеря в шахтерском поселке Букачача – правильнее сказать, Букачачинской колонии массовых работ (КМР) – Григорий тоже хорошо знал. Да, дела...

СВИДЕТЕЛЬСТВО-IV

«29 декабря 1938 года я был вызван на допрос следователем Фельдманом, который познакомил меня с материалами следствия и объявил, что я предаюсь суду военного трибунала по ст.ст. 58-1 «б», 58-7, 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР.

В деле нахожу мои ложные показания, показания на меня ЭЙКЕРТА Фридриха Эрнестовича, б. сотрудника оперсектора ОГПУ, дипломатического агента НКВД СССР в Чите БРАВЦИНОВА, который подтвердил показания

Эйкерта о том, что Эйкерт завербовал меня в японские шпионы. Также – справку 1 отдела УНКВД по Иркутской области о том, что КИРИЧЕНКО, Б. Секретарь Партколлегии Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б), на которого я показывал, что привербовался к нему (показал, т.к. знал, что он арестован), по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР 5 июня 1938 г. приговорен по 1 категории и 22 июня приговор приведен в исполнение. В деле оказались показания свидетелей – Новикова, Лучино, Лавзина, Серова, Васильева, Чепенко, Чуксина, Прохорова и служебная характеристика на меня, подписанная начальником 4 отдела УНКВД по Читинской области старшим лейтенантом БЕЛОНОГОВЫМ (ныне арестован органами НКВД). Как показания свидетелей, так и характеристика, не соответствуют действительности.

Прошу сделать очные ставки с вышеупомянутыми лицами. Мне в этом Фельдман отказывает, не выносит об этом никакого постановления. Записываю в протокол, что мои показания ложны, прошу приобщить к делу заявления – на имя Военного прокурора от 25 мая 1938 года, НКВД СССР от 11 сентября 1938 года и Нач. УНКВД от 13 ноября 1938 года. Указанные документы также приобщены к делу не были.

5 марта 1939 года меня допрашивает Военный прокурор войск НКВД Читинского округа бригадюр юрист АГАЛАНОВ. Протоколирует мой отказ от показаний как ложных. Объясняю ему все подробно, что делали со мной.

7 марта 1939 года мне предъявляют новое обвинение – по статьям 58-10 и 193-17 «а» УК РСФСР. Снова знакомят с делом. Нахожу в деле ряд документов, которых раньше не было. Мне неизвестны, как-то: отказ от показаний Бравцинова, справка о смерти Эйкерта и что он отказался перед смертью от своих показаний на меня, как ложных. Появились показания Кириченко от апреля 1938 года (к которому я привербовался в марте 1938 г.): последний не подтвердил мои показания. Снова прошу сделать со свидетелями очные ставки, ввиду ложности их показаний (все они – сотрудники УНКВД), прошу приобщить к делу служебные аттестации на меня за 1936 и 1937 гг. и ряд других документов. Мне Фельдман по неизвестным причинам отказывает.

На подготовительном заседании Военного Трибунала войск НКВД Читинского округа 27 апреля 1939 г. дело не принимается к слушанию и возвращается на доследование.

29 мая 1939 года меня вновь, в порядке ст. 206 УПК, знакомят с делом, вновь прошу сделать очные ставки. Но мне снова отказывают.

28 июля 1939 г. на подготовительном заседании трибунала мне переквалифицируют обвинение на ст.ст. 113 и 121 УК РСФСР и на суд вызывают свидетелей Чепенко, Чуксина, Прохорова и Ясинского. Меры пресечения мне изменяют на подписку о невыезде с места жительства...

1 августа мне предъявляется обвинительное заключение, из которого явствует, что я, следуя в поезде, напился пьяным в вагоне-ресторане и в

присутствии посторонних рассказывал, что направляюсь на закордонную работу (что является ложью), вел разговор с политруками о слабой партийно-политической работе в УНКВД по Читинской области (а в это время действительно в УНКВД по ЧО была слабо поставлена политическая работа) и что в РККА эта работа поставлена на большую высоту и сравнивать просто нельзя. (Но это действительно так – я основывался и на решениях февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) в 1937 г. о работе органов НКВД, где оценки высказаны крайне резкие).

Я потребовал допросить на суде всех проходящих по делу свидетелей, но определенного ответа на это не получил.

10 августа 1939 года Военный Трибунал войск НКВД Читинского округа рассмотрел мое дело. Причем на суде присутствовал только один свидетель – Чуксин, который сам ничего толком показать не мог, а больше ссыался на то, что ему ранее говорили Чепенко, Поташов и другие. Между тем, что я заявлял и на предварительном следствии, с Чуксиным я имел неприязненные отношения во время совместной с ним работы в Чите. Он находился в моем подчинении, к работе относился недобросовестно, на что я ему неоднократно указывал. Он считал, что я к нему отношусь пристрастно, поэтому в кругу подчиненных мне лиц часто вел разговоры, компрометирующие меня как начальника отделения. Однако мой протест в отношении свидетелей суд проигнорировал.

Я был осужден по вышеуказанному обвинению на 1 год 6 месяцев лишения свободы, но ввиду того, что я пробыл под арестом во время предварительного следствия 19 месяцев, суд от отбытия наказания освободил.

КУСМАРЦЕВ Г.П. 12 февраля 1940 г. г. Саратов.»

III

Выйдя с почтамта, Григорий зашел в знакомую пивную, расположившуюся рядом с гастрономом. Заказал две кружки «Жигулевского» с «прицепом» – чекушкой беленькой. Долго разминал в огрубевших пальцах темно-янтарную воблу. Водку выпил залпом, запил пивом, закурил...

В наполняющейся хмельным дурманом голове медленно ворочались безрадостные мысли. Мартышкин труд вся эта писанина в Москву. Уже два письма отправил в столицу. Глухо. Четыре жалобы ушли на имя Главного военного прокурора войск НКВД СССР. Лишь из ЦК месяц назад пришло коротенькое извещение: дескать, вопрос об исключении из партии будет рассмотрен. А когда? Леший ведает...

Пиво Григорий допил, а вобла так и осталась на краешке стола.

На улице в лицо ударил пронизывающий февральский ветер. Быстро темнело. Где-то далеко, за Волгой, замерцали бледные огоньки. День прошел...

Нет, оставлять этого всего так нельзя. Гнили в читинском УНКВД осталось предостаточно. Потому так скоренько и постарались от Григория отделаться. Заключение после суда состряпали – больной. Даже пенсию, смехотворную – коту слезы! – оформили. И двай – двигай подальше!

Григорий зло усмехнулся: последний раз по «литеру НКВД» прокатился – до родных мест.

Родные места... А что здесь родного? Крыша над головой? Так это жену благодарить нужно, что вовремя сориентировалась – детей в охапку схватила да и к родне в Саратов, тут уж подсобили родственники. А так бы... Ни кола, ни двора.

Григорий покосился на свое отражение в зеркальном стекле – мимо люксы-ресторана топал. Увидел сгорбленного старика в потертом кожухе. М-да... Где ты, бравый лейтенант госбезопасности, в слепящих блеском хромачах, скрипучих тугих ремнях и ладно сидящей, по фигуре, шинели темного, почти черного сукна для старшего комсостава с грозной эмблемой на рукаве – щитом и мечом – и с капитанской шпалой в петлице?

ИНФОРМАЦИЯ (3)

В октябре 1935 г. для сотрудников (начальствующего состава) НКВД были введены специальные звания (исключение составили сотрудники, служившие в пограничных и внутренних войсках, – им присваивались воинские звания) и знаки различия, произведено их разделение на работников государственной безопасности и работников органов внутренних дел. Всего для начсостава ГУГБ вводилось 10 специальных званий, наименование которых не совпадало с учрежденными в это же время воинскими званиями в Красной Армии (спецзвания были выше воинских по статусу на две степени): специальное звание сержанта ГБ соответствовало воинскому званию лейтенанта; младшего лейтенанта ГБ – старшего лейтенанта РККА; лейтенанта ГБ – армейскому капитану, старшего лейтенанта ГБ – майору, капитана ГБ – подполковнику, майора ГБ – полковнику. Старший майор (комиссар) госбезопасности соответствовал званию комбрига или позднее генерал-майора, специальные звания комиссара госбезопасности 3-го, 2-го и 1-го рангов соответственно приравнялись к званиям комдива (генерал-лейтенанта), комкора (генерал-полковника) и командарма (генерала армии).

Было введено и высшее персональное специальное звание, которое присваивалось только лицу, занимающему должность наркома внутренних дел – Генеральный комиссар государственной безопасности (приравнялось к званию Маршала Советского Союза). За всю историю госбезопасности это звание получили трое: Г.Г. Ягода (26.11.1935), Н.И. Ежов (27.01.1937), Л.П. Берия (30.01.1941). Последний успел побывать и Маршалом Советского Союза (после упразднения спецзвания Генкомиссара ГБ 9 июля 1945 г.).

Таким образом, специальное звание сержанта государственной безопасности относилось к офицерскому «чину». Сержанты ГБ носили форму младшего комсостава с васильковыми петлицами в которых красовались не армейские сержантские «треугольнички», а пара «кубарей».

IV

Да, недолго довелось Григорию покрасоваться с капитанской шпалой в петлицах... Но сейчас это мало занимало его. Хмель быстро выветривался на игольчатом ветру, летящему по-над Волгой и бросающему в лицо пригоршни мелкой, как сахарный песок, снежной крупы. Хмель выветривался из сознания, но его место тут же занимала разрастающаяся злоба. Нет, будет, будет еще на его улице праздник! Не может быть, чтобы пробравшиеся в органы сволочи жировали и творили беззаконие! Не может быть так. Хотя...

Григорий вспомнил Белоногова, бывшего замначальника 4 отдела читинского УНКВД. Две «шпалы» носил старший лейтенант Белоногов, преданнейшим человеком считался у Перского и Фельдмана. А сколько, подлец, состряпал дел на безвинных, сколько арестованных замордовал на ночных допросах! А потом и до самого очередь дошла.

– Посчастливилось мне, Гриша, несколько дней отлежаться в тюремной больничке после допросов, но и там насмотрелся жути-и! – опасливо делился с сокамерником бывший директор треста «Зейзолото» Казанцев. – Представляешь, кого туда привезли? Белоногова! Самый страшный садист был – все говорят. И что ты думаешь – привезли – живого места нет! Он несколько дней без сознания валялся, а когда в себя пришел – мама дорогая! – вот чехвостила Фельдмана, Артемова и еще этого... Каталова! Особенно первого. Без матюгов и фамилии этой не произносил.

Казанцев сокрушенно покачал головой.

– Вот ведь природа человеческая, Гриша... Пока сам на коне – кум королю, а как из мучителя в жертву превращается – куда и гонор девается... Помнишь Савицкого, инженера Шубстроя?

– Нет, не помню, – мотнул головой Григорий.

– Да ты что, их, шубстроевских, у нас в камере попеременно двое кантовалось. А, понял, понял! Ты ж не застал – в одиночке как раз тебя держали. Поначалу был Калашников, юристконсульт – довели до сумасшествия и смерти, видимо, что-то в мозгах повредили. А как Калашникова в больницу отправили, так к нам в камеру Савицкого и закинули. Белоногов его не только на допросах бил, но и в камеру приходил, над избитым дальше изгаляться. В камере бил... А когда уставал кулаками махать, заставлял надзирателей. Я, де, пока отдохну, покурю, а вы ему поддайте... И вот, Гриша, говорят, Бога нет, а сторицей Белоногову всё возвернулось... Грех, конечно, так думать и говорить, но уж больно лют был...

– Был?

– Да, Гриша. Его когда на больничку привезли... Вся спина, все ягодицы – мама дорогая! – сплошное мясо... Потом, когда очнулся и своих мучителей материл, то мы и узнали, что его резиновыми палками охаживали. У него на поправку дело так и не пошло... Заражение крови развилось. Хотя...

– Чего ты как подавился?

– А сдается мне, Гриша, – Казанцев наклонился к самому уху собеседника, – что не хотели его спасти. словно установка была докторам – не усердствовать.

– Па-а-нятно... – протянул Григорий. – Чтобы, значит, язык не развязал. Все концы в воду, вали все на мертвеца...

– Так и полагаю, – кивнул, оглядываясь по сторонам Казанцев. – Тут слух прошел, что следом за Хорхориным и Крылова подмели с Врачевым, а еще Каменева, а вот Фельдман, что на место Врачева пришел, – на коне...

– Пока.

– Что? – не понял Казанцев.

– Это он пока на коне, – ответил Григорий. – Помяни мое слово. Такие ретивые добром не кончают. Вот сам же про Белоногова...

– Он в мае, двадцать шестого числа, помер от гангрены. Я почему число-то запомнил... Не из-за злорадства... Чего уж тут... Супружницы моей день ангела... – Казанцев тяжело вздохнул.

Много позже Кусмарцев узнает, что Фельдман в итоге, и в самом деле выкрутился. Перевели из Читы в Москву – «в распоряжение НКВД СССР». Видимо, острая нужда была в столице на таких заплочных дел мастеров.

V

Григорий плелся свистящей ветром улицей. Приступ злобы утих, выветрился, как и хмель. Но решимость не исчезла. Писал и будет писать! Самому товарищу Сталину! Будет толк, обязательно будет. И дни считать нечего, не один он такой. Григорий был уверен, что в ЦК и НКВД СССР не только от него идут письма и свидетельства о беззакониях на местах. А в центре, видать, тоже вражин хватает, но вода камень точит. Капля за каплей.

Опять же, с другой стороны, рассуждал Григорий, товарищу Сталину и товарищу Берия, назначенному вместо покрывавшего все беззакония Ежова, конечно же, сразу в каждом деле не разобраться, по каждому пострадавшему быстро решения не принять. Произвола хватает! А время не резиновое, да и потом – такое государство на плечах!

А враг... Враг, конечно, был и есть. И тщательно маскируется – на то он и враг. А что честные работники – ангелы? Тоже практиковали допросы «с пристрастием». Ну а как иначе? Какой же враг, убежденный троцкист сам расколется? Врать и изворачиваться будет до последнего. Его фактами к стене припираешь, а он, гад, врет и еще возмущается! Вот и врежешь по наглой морде!.. Григорий и сам... В конце концов, был же приказ по линии органов – разрешение применять к арестованным меры физического воздействия. Попробуй без таких мер спускаемые из центра разнарядки по расследованию дел выполнить...

Григорий вдруг поймал себя на мысли, что продолжает думать и размышлять так, как будто он до сих пор в кадрах. Да... Конечно, без куска хлеба он не останется. Не в этом дело. Есть голова и руки. Проживем... Но что он без органов? Ведь вся жизнь... С пацанов. Откровенно написал в опущенном сегодня письме на имя Вождя: «Я твердо верю, что Вы, товарищ Сталин, разберетесь с моим делом, восстановите меня в партии и во всех правах. Партия – самое дорогое для меня. В Партии я пробыл с 16-летнего возраста до 33 лет. Верю, что дадите мне возможность защищать Родину в рядах Советской Разведки или РККА, дадите мне право еще раз доказать, как в годы гражданской войны, преданность Партии и Советской власти. Верю и жду с нетерпением Вашего мудрого решения по моему делу.»

Григорий в который раз поежился от пронизывающего ветра. Тупо ныла спина. Давняя фронтовая контузия и побои в кабинетах читинского УНКВД давали о себе знать все эти месяцы. Несколько раз, обычно под вечер, боль резко усиливалась, а однажды, проснувшись среди ночи, Григорий с ужасом обнаружил, что разом отказали обе ноги. Непослушными бесчувственными бревнами стали. Только к утру в тот раз все прошло, но где гарантия, что, повторившись, не обезножит совсем?..

– Сволочи, мать вашу так! – зло выругался Григорий, сворачивая в темень подворотни обшарпанной трехэтажки, где Кусмарцевы снимали, договорившись через свояка жены, две комнаты в коммуналке на двенадцать семей – клетушки с дощатыми переборками выходили щелястыми дверями в вечно полутемный коридор, пропахший керосином и кошками. Общей кухни не было. Обеды каждая семья варила по своим комнатам. Жил здесь в основном рабочий люд, поэтому свое недавнее прошлое Григорий не афишировал. Да и что афишировать... Но в наиболее черные минуты Григорий представлял – чему он и сам после удивлялся – как за ним приезжает черная, сверкающая лаком «эмка», а через несколько часов он возвращается в это вонючее временное пристанище в блестящих скрипучих сапогах и кожаном пальто. В таком, какое было в управлении только у самого Хорхорина.

VI

Хорхорин... Вот и нет бывшего начальника. Тю-тю... Ни Хорхорина, ни Перского. И где, наконец, сам грозный «железный нарком» Николай Иванович?

Десять дней назад Григорий аккуратно свернул и положил под книжки на этажерке – на хранение – свежий номер «Правды» с коротким сообщением: «Военная коллегия Верховного Суда СССР 3 февраля 1940 года приговорила врага народа, подлого наймита троцкистов Н. Ежова к расстрелу за необоснованные репрессии против советского народа. Приговор приведен в исполнение 4 февраля 1940 года, что с одобрением встречено массами рабочих и колхозников...»

Так что, быть справедливости! И только недорезанные троцкистско-бухаринские прихвостни шипят, дескать, погодите, все эти освобождения из

подвалов НКВД, все эти оправдания и восстановления – в партии, на работе – ерунда на постном масле. «Малым Реабилитансом», ишь, прозвали!

Григорий этого названия долго не мог понять. Но когда в Чите оформлял бумаги после освобождения, то в пивнушке возле рынка разговорил знакомую рожу из таких – умненьких интеллигентишков. Обалдел, дурачок, от радости, что Ежова сняли и после короткого сидения в Наркомате водного транспорта упрятали в «кутузку».

Ехидно похихикивая и потирая каким-то паучьим движением нежные ручки, но не забывая при этом прихлебывать пивцо, этот скользкий типчик, состоящий когда-то у Григория на связи, с апломбом растолковал всю заумь насчет «Реабилитанса».

– Величайшая эпоха Возрождения! Важнейший период в культурном и идейном развитии стран Западной и Центральной Европы. Пятнадцатый-шестнадцатый века, осветившие мрачную феодальную действительность средневековья! Данте, Джотто, Донателло, Рафаэль, Микеланджело, Тициан... Леонардо да Винчи! Шекспир, Сервантес, Петрарка... Боккаччо и его «Декамерон»! О-о! Эпоха переворота в сознании, во всех укладах общественного развития! По-французски, мой дорогой бывший гражданин начальник, эта эпоха называется Ренессанс. А что мы имеем сегодня? На наших бескрайних расейских просторах? М-да-с... Знаете, один великий человек мудро заметил, что история повторяется дважды: один раз в виде трагедии, другой – в виде фарса. Меня можно свести на плаху, но сравнивать тающий туман феодального мракобесия с утратой «ежовых рукавиц»... Это – стопроцентный фарс. И конечно же, такое микроскопическое, в масштабах мировой истории, событие, как замена одного наркома на другого... Вот поэтому «малый». Простите великодушно, Григорий Палыч, но я не верю в долговременность и безвозвратность нынешних реабилитаций. Это – подачка народным массам, как вы этого не понимаете! Это – тот самый предохранительный клапан, который спасает локомотив...хм... диктатуры пролетариата от избытка парового давления. Но явление подается красиво и величаво, как торжество высшей справедливости. Партия, Григорий Палыч, разглядела замаскировавшихся врагов, спасла их жертв. Социалистическая законность вос-ста-нов-ле-на! И потому сие – «Реабилитанс»! Острия с одесского Привоза рвут волосы от зависти! Малый Реабилитанс! Звучит!

– Херня! Бредни! Иди ты, знаешь куда, со своим доисторическим ренессансом-реверансом... Наплел тут... – Григорий с силой сдул пивную пену. – Вот натолкали вы себе мякины в бошки и народ с панталыку сбиваете. Ренессансы... Страна в кольце! Ты мне тут фамилии итальянские талдычил, про Сервантеса напомнил. Читал я его бредятину про выжившего из ума старика. А ты на эти очаги Возрождения сегодня посмотри: в одном Муссолини с чернорубашечниками, в другом задушивший республиканцев Франко маршируют. И кстати, в общей компании с Гитлером костры из книг жгут! А я тебе, гнилая твоя душонка, так скажу: не ошибается тот, кто ничего не делает. Лес рубят – щепки летят! Но лес – рубят! Понял, умник?

Собеседник и бывший агент уже не хихикал. Он круглыми глазами глядел на смурного Григория.

– Вы не поняли меня, Григорий Палыч... Я же только, чтобы разъяснить возникший термин.

– Ага, кто же спорит, – усмехнулся Григорий. – Спасибо за лекцию. Но я тебе один совет дам. Ты с ней выступил – и забудь. А не то тебя и в самом деле могут свести туда, куда ты с такой легкостью стремишься.

– Вы о чем это? – испуг метнулся в глазах собеседника.

– Я-то? Это не я... Это ты тут на плаху просился. Не просись. Понадобится – за тобой придут. А Партию – не трожь. По другим поводам ерничай, но помни, о чем я тебе сказал. Партия и органы порядок наведут и с беззаконием покончат раз и навсегда. Ошибки были и будут, но и серьезные выводы из всего происшедшего сделаны. И не видит этого слепой, понял?

– Как не понять, Григорий Палыч...

– Вот и не ослоумничайте по углам. Малый Реабилитанс!.. Эпоха Возрождения! Напустил тут флеру про средневековье... А вот я совсем другое слышу в вашем «Реабилитансе». Мол, не всех выпустили...

– Так ведь и правда, далеко не всех.

– А ты что же думаешь, только безвинных сгребали? – набычился Григорий. – А сколь еще говнюков открутилось! Ну, ничего, долго не погуляют... Наведем порядок!

– Наведем... – тихим эхом откликнулся притихший экс-стукач. «А может быть, и не «экс», – подумал Григорий, наблюдая перемену в настроении и поведении собеседника. – Трется в пивнушках, про «Реабилитанс» тряндит, на откровенность людей провоцирует, а потом отчеты строчит в Шумовский дворец... Вот таких бы к ногтю в первую голову! Но и без них – никак. Настоящего матерого врага без таких куда труднее разглядеть...»

Порядок будет наведен. И кто, как не Григорий... Так что – позовут его. Разберутся во всем скрупулезно настоящие бойцы Партии. По поручению товарищей Сталина и его надежного помощника товарища Берия. И будет это скоро. Разберутся – и позовут!

Последние сомнения в том, что его судьба может повернуть как-то по-другому, исчезли у Григория, пока он поднимался по скрипучей лестнице. Приедет он сюда, обязательно приедет. На «эмке» и в коричневом кожаном реглане, со «шпалами» в петлицах васильковых. И не покрасоваться. Здесь тоже кое с кем разобраться не мешает, чтобы не шушукались по углам, сволочи!

Вместо эпилога

ЖЕРТВЫ И ПАЛАЧИ (III)

Народному комиссару
внутренних дел СССР
тов.Берия
Арест. КАМЕНЕВА Якова Ст.
/г.Чита, Внут. тюрьма УНКВД/

З А Я В Л Е Н И Е.

Тов. Нарком, 16-ый месяц я нахожусь под стражей и только теперь получил возможность написать это заявление, все попытки сделать это ранее, ввиду неполучения бумаги, оказались безрезультатными.

До ареста, в течение 14 месяцев, я работал нач. 3 отдела УНКВД вновь организованной Читинской обл.. Спустя, примерно, месяц после ареста б. нач. УНКВД Хорхорина партком рассматривал мое заявление о бытовой связи с Хорхориным, поставив в вину мне пребывание 4 м. в 1918 г. в партии левых эсеров, я об этом никогда не скрывал, – исключил меня из партии, а через четыре дня /26.XII-38 г./ я был арестован.

Следователь Фельдман /нач. 2 отдела/ с первых же допросов потребовал от меня показаний о шпионаже и причастности к контррев. организации, нанося всяческие оскорбления и угрозы: «Сведу в подвал и расстреляю без суда», «не дашь показаний – живым до суда не дойдешь» и т.п. На все мои утверждения, что я невиновен и о какой-либо преступной деятельности Хорхорина мне ничего не известно, Фельдман заявлял, что любыми способами и средствами он показания от меня получит, клянясь в этом словом чекиста-коммуниста.

Я написал заявление нач. УНКВД Куприну, что Фельдманом грубо нарушается постановление ЦК ВКП/б/ и СНК СССР от 17.XI-38 г., что он, Фельдман, прямо заявляет, что это постановление на меня не распространяется. Куприн, вместо того, чтобы отвести следователя, лично сам, игнорируя решение ЦК и СНК, организовал систематические избиения. Чтобы не было слышно моих криков и стонов, для этой цели в подвальном этаже отвели специальную комнату, где в течение 2-х недель, каждую ночь подряд, связывая мне руки, сдирая с меня одежду, бросали на пол и били резиной. Уставал один, сменял другой, затем третий и т.д. когда я лишался сознания, отливали водой и вновь били, а один раз даже в камеру я был притащен вахтерами, где пришел в сознание лишь через несколько часов. В подвале УНКВД в специально отведенных комнатах за № 10, 11 и 12 били многих, в первую очередь бывших работников УНКВД и бывш. парработников, с которых также требовали показания на Муругова, бывш.

секретаря Обкома ВКП/б/ Читинской области, как руководителя право-троцкистского центра области. Били Куприн, его зам. Крылов и Куцерубов, следователь Пациор и др. Я продолжал им заявлять, что я невиновен, никогда врагом народа не был и не буду, что я честно трудился, отдавая все время работе, не зная личной жизни. В ответ раздавался иронический смех и сыпались на меня еще жестче и многочисленнее удары. Куприн заявил мне: «Раз мы решили бить, то до тех пор, пока либо дашь показания, либо сдохнешь. А сдохнешь – выбросим, напишем постановление, дело сдадим в архив и все». Применялись при этом различные провокации: «На тебя показал Хорхорин, Сенюк и др.» – чего на самом деле не было и не могло быть. Заявляли, что арестован я по прямому приказу Наркома, а не его, Куприна, инициативе и т.д.

Для меня оставался один выход, чтобы дойти живым до суда и через суд сказать партии, правительству и всему советскому народу о своей невинности, – это клевета на себя и других, т.е. писать ложные показания. Однажды Фельдман заявил, что Куприн отдал меня ему на откуп, и теперь-то уж он будет делать со мной все, что захочет, но нужные показания получит.

Фельдман со своим помощником Артемовым продолжали каждую ночь с 3 этажа спускать меня в подвал и избивать, а днем без сна и отдыха держать на ногах /в это время около меня дежурили посменно др. работники/. Будучи поставленным Куприным и Фельдманом вне закона и чувствуя, что с очередной экзекуции я не вернусь /стал как тень и не мог держаться на ногах/, заявил, что я буду писать показания, но должен фантазировать. «Ты фантазируй, а я запишу в протокол и все в порядке», – заявил Фельдман. И вот я фантазировал все, что требовали от меня Фельдман и Куприн, клеветал на себя, порочил свою честь, а недостаткам и ошибкам в работе придавал соответствующую окраску вредительства. По их требованию клеветал и на других, хотя о какой-либо к.-р. деятельности их мне ничего неизвестно /Хорхорин, Видякин и др./.

13 месяцев я ждал суда, чтобы сказать на суде всю правду – о своей невинности и о том кошмаре, который пережил во время предварит. Следствия.

В феврале т.г. Трибунал рассмотрел дело и обвинение по ст. 58 п.1-б /шпионаж и право-троцкист. организации/ снял. Суд вынес определение – проверить обоснованность произведенных мною арестов в Шилкинском, Нерчинском и Балейском районах, куда я был командирован летом 1938 г. Хорхориным для реализации оперприказа № 233 – по китайцам. Мера пресечения оставлена мне – содержание под стражей.

Направляя меня в командировку, б. нач. УНКВД Хорхорин дал оперативное задание в названных районах арестовать максимум китайцев и корейцев, чтобы проработать их следственным путем, разоблаченных шпионов и диверсантов судить, а остальные будут выселены вместе с

находящимися на свободе из области. Подготовительная работа по выселению уже проводилась. Я это задание выполнил, арестовав около 300 чел. / в т.ч. 15-20 чел. колхозников/. По данным предв. следствия за 8 мес. после моего ареста было освобождено по области 118 чел. /в т.ч. какая-то доля и из арестованных мною 300 ч. китайцев и корейцев/, из общего количества арестованных ок. 2500 ч. Выполняя это приказание Хорхорина, мне и в голову не приходило, что оно незаконно и преступно: аресты произведены с санкции прокурора.

Тов. Нарком! Я в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД работал 18 ½ лет, отдавая, как коммунист /в партии с 1918 г./, все силы, всю энергию работе, не зная личной жизни. Не имел никаких взысканий и замечаний. Я из крестьян-бедняков, доброволец Красной Армии, в звании старшего лейтенанта госбезопасности, почетный чекист, правительством награжден орденом «Кр. Звезда». По воле Куприна я оказался в тюрьме и томлюсь уже 15 месяцев в одиночке, без прогулок и передач. Здесь получил тяжелое заболевание глаз /трахома/ и 7 мес. болезнь упорно не поддается излечению, теряю зрение.

Прошу Вас вмешаться в мое дело, вернуть меня в трудовую семью /освободить под подписку/, чтобы я продолжал так же честно трудиться, как трудился всю жизнь – до ареста, и спасти свое зрение, которое еще не совсем потеряно.

КАМЕНЕВ.

31 марта 1940 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВО-V

«26 сентября 1937 года Восточно-Сибирский край упразднили и образовали Читинскую и Иркутскую области. Начальником управления НКВД СССР по Читинской области назначили майора государственной безопасности Г.С. Хорхорина. ...Невысокого роста, рыжеватый, простецкого вида, Хорхорин напоминал чеховского персонажа – мастерового, эдакого хозяина Каштанки. Но внешний вид не всегда соответствует внутреннему содержанию человека. За внешней оболочкой доброжелательности скрывалась натура перерожденца и карьериста. К концу двадцатых годов он твердо усвоил принцип: надо обязательно попасть в «струю», и тогда карьера будет обеспечена.

Хорхорин приехал в Читу из Белоруссии, где девять месяцев проработал заместителем наркома внутренних дел. До этого служил в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД в Москве, Ленинграде, Архангельске, Иваново. За семнадцать лет прошагал по ступеням от рядового сотрудника до начальника управления. Перед выездом к месту службы с Хорхориным беседовали в НКВД, он встречался с руководством ГУГБ. Из всех встреч сделал вывод, что вся его дальнейшая карьера будет зависеть от беспощадного разгрома мнимого

«контрреволюционного подполья». Тем более, что руководство было недовольно ходом выполнения своих приказов по «изъятию врагов народа» в Забайкалье. Хорхорин заручился поддержкой кадровиков центра в подборе руководящих работников для вверенного ему управления по своему усмотрению. В его нечистых руках сосредоточилась огромная власть: он являлся начальником УНКВД, в котором имелись управления государственной безопасности (УГБ) и милиции, и по совместительству начальником особого отдела НКВД по Забайкальскому военному округу. Он был старшим оперативным начальником для дорожно-транспортного отдела (ДТО) железной дороги имени Молотова (ныне Забайкальской) и для пограничных отрядов на территории области.

На должность заместителя начальника особого отдела Хорхорин перевел из Минска А.Д. Видякина... Видякин фактически руководил отделом и операцией по репрессированию в войсках ЗабВО, проявил невероятную жестокость при допросах арестованных. Из Белоруссии привез Г.Я. Врачева в качестве начальника четвертого отдела. В выявлении «врагов народа» этот отдел играл решающую роль.

Начальником разведывательного отдела назначили Я.С. Каменева, старого сослуживца Хорхорина по Архангельску. В 1937 году он работал начальником отделения в Ленинградском УНКВД. Из Иваново приехал Новиков. По предложению Хорхорина его избрали освобожденным секретарем парткома УНКВД...

По рекомендации отдела кадров НКВД заместителем начальника УНКВД взяли Н.Д. Крылова, работавшего начальником четвертого отдела УНКВД по Орджоникидзеvскому краю. На допросе в 1939 году Хорхорин сказал: «Крылов, капитан государственной безопасности, мой заместитель, любитель не в меру выпить».

...В ноябре-декабре 1937 года арестовывали до ста человек ежедневно. Особая тройка заседала ежедневно: краткий доклад – справка занимала не более четверти машинописного листа – и участь арестованного была заочно решена. Председательствовал Хорхорин. В 1939 году на допросе в Москве он показал: «Протокол тройки подписывался после его обработки мною, секретарем обкома Муруговым, облпрокурором Макаркуком». Затем Хорхорин лично подписывал списки приговоренных к высшей мере наказания (ВМН) и указывал дату расстрела. В его отсутствие все это проделывал его заместитель Крылов.

В январе 1938 года в докладной записке на имя наркома Ежова Хорхорин доложил о выполнении операции согласно приказу № 00447: всего на промышленных объектах изъято 1396 человек, на жел.-дор. транспорте и в районах, примыкающих к линии ж.д., арестовано 1999 человек, в деревне всего изъято 2503 человека.

...Лимиты на аресты, установленные приказом № 00447 для бывшего Восточно-Сибирского края, были перевыполнены с санкции центра, но

Хорхорин не успокоился. Он испрашивает разрешение Ежова на продление действий приказов и работы особой тройки до 1 марта, объясняя наркому, «что широкое изъятие началось только за последние полтора месяца, а отдаленность районов, плохая связь с ними являлись значительным тормозом», и дополнительный лимит на арест трех тысяч человек, из них по первой категории (на расстрел) – две тысячи. Ежов разрешил, и широкое изъятие продолжалось... Арестовывали не только по ночам, но и днем: в кабинетах, в цехах, на колхозных полях, дома. Изъяли всех секретарей райкомов и горкомов партии, многих председателей райисполкомов, хозяйственных руководителей, комсомольских и профсоюзных активистов, рабочих и крестьян. Серьезный урон понесла интеллигенция области: учителя, врачи, творческие работники... Не менее трех тысяч [бывших – О.Г.] партизан были арестованы, и большинство из них не вернулись домой.

В конце 1937 года Хорхорин, Крылов, Каменев, Врачев сфальсифицировали «фашистско-шпионскую, диверсионную, террористическую организацию», непосредственно руководимую германской и японской разведками. Дали ей название «Цепь» и включили в нее интернационалистов из числа осевших в Забайкалье военнопленных германо-австрийской армии. Многие из них воевали за советскую власть в гражданскую войну. Интернационалистов несколько месяцев держали в тюрьме, допрашивали с пристрастием и большинство по решениям тройки приговорили к высшей мере наказания. В праздничную ночь второй годовщины сталинской конституции по распоряжению Крылова в Чите расстреляли семьдесят два человека, в том числе двадцать одного интернационалиста...

Продолжались аресты в войсках Забайкальского военного округа. 22 ноября 1937 года командарм 2-го ранга М.Д. Великанов доложил на заседании Главного военного совета при наркоме обороны о выполнении приказа К.Е. Ворошилова «О чистке РККА». В округе к тому времени уволили 400 человек, из них репрессировали 189. Ворошилов был недоволен. Михаила Дмитриевича заменили, перевели в другой округ, арестовали и в июле 1938 года расстреляли. Хорхорин и Видякин принялись исправлять положение. По неполным данным, 55 процентов командиров и политработников всех уровней были арестованы и многие из них погибли...

Дела у Хорхорина, казалось, шли блестяще. 26 июня [1938 г. – О.Г.] его избрали депутатом Верховного Совета РСФСР. Он был награжден высшей государственной наградой – орденом Ленина. В августе Ежов удовлетворил очередную просьбу Хорхорина о выделении нового лимита на осуждение еще трех тысяч человек...

В августе 1938 года на место первого заместителя наркома Фриновского назначается Л.П. Берия, одновременно он возглавил ГУГБ НКВД. По всей видимости, наступило время размена пешек... И когда в ноябре Хорхорина вызвали в Москву, он понял, что наступил его черед.

29 ноября сержант госбезопасности Волков из 1-го Управления НКВД предъявил Хорхорину ордер на арест и под конвоем препроводил в Бутырскую тюрьму... Хорхорин на втором допросе признался в шпионаже и участии в заговоре. Последний раз его допросили 20 февраля 1939 года. Через восемь дней поместили в тюремную больницу по поводу лечения от туберкулеза, где 21 марта он умер от сердечной недостаточности... Г.С. Хорхорин не реабилитирован, однако обвинения в шпионаже и участии в антисоветских организациях не подтвердились.

...В начале декабря 1938 года из Москвы прибыл капитан государственной безопасности Павел Тихонович Куприн и приступил к исполнению обязанностей начальника управления НКВД СССР по Читинской области и начальника особого отдела НКВД по Забайкальскому военному округу, по совместительству.

...Не имея достаточной оперативной практики, но компенсируя этот временный недостаток многолетним опытом работы с людьми, П.Т. Куприн находил правильные решения в сложной политической и оперативной обстановке, сложившейся в Забайкалье. В марте 1939 года он присутствует на заседаниях 18 съезда ВКП (б) как делегат с решающим голосом. На съезде в прениях выступил первый секретарь Читинского обкома И.В. Муругов. Речь одобрили, а в октябре пригласили в Москву и арестовали, обвинив в антисоветской деятельности. Почти два года держали в Бутырской тюрьме и расстреляли в начале июля 1941 года...

По указанию из НКВД в апреле 1939 года арестовали и этапировали в Москву заместителя начальника управления Н.Д. Крылова, того самого, которого даже Хорхорин сдерживал в стремлении как можно больше расстрелять арестованных. В ноябре Крылова самого расстреляли по приговору военной коллегии Верховного Суда СССР.

Вместе с Крыловым в тюремном вагоне доставили в Москву Г.Я. Врачева, привезенного Хорхориным из Белоруссии. Ему вменяли участие в антисоветском заговоре, якобы имевшем место в органах НКВД. Дело рассматривала военная коллегия Верховного Суда. Врачева по этому обвинению оправдали, но признали виновным в том, что, работая начальником 4 отдела в Читинском УНКВД, давал санкции на массовые необоснованные аресты граждан, применял недозволённые методы допросов и насаждал такую же практику среди подчиненных, «корректировал» показания обвиняемых, внося в них надуманные сведения. Врачева осудили на десять лет ИТЛ. В 1955 году Главная военная прокуратура СССР отклонила его ходатайство о реабилитации.

Еще раньше, 27 декабря 1938 года, военный трибунал Забайкальского округа войск НКВД осудил к расстрелу Я.С. Каменева. На руках Каменева кровь многих забайкальцев, в том числе творческих работников.

После ареста Крылова Куприну предложили взять себе заместителем Павла Николаевича Куцерубова, находившегося в резерве выдвижения

управления кадров НКВД. Куцерубов работал начальником Сковородинского городского отдела. В то время Сковородинский район входил в нашу область. Через восемь месяцев Куцерубова забрали в центральный аппарат. В самом начале своей руководящей деятельности он сыграл роковую роль в судьбе бывшего заместителя начальника 4 отдела. Арестованные называли его «самым страшным садистом»... Начальник отдела Д.С. Фельдман (вместо арестованного Врачева) с подчиненными Артемьевым и Каталовым по рекомендации Куцерубова били Белоногова резиновыми палками по определенной части его тела, побуждая его тем самым к «добровольному признанию». В конце концов, у него образовалась гангрена мышц ягодичной области, от чего в мае он умер. Куцерубов приказ медицинским работникам тюремной больницы составить фиктивный акт о причине его смерти. Это был не единственный случай... Куцерубова арестовали в Москве в январе 1940 года и после длительного расследования отправили под конвоем в Читу. Шел 1941 год. От трибунала его спасла война, в ноябре из читинской тюрьмы он направился на фронт. В 1957 году прокуратура Забайкальского военного округа начала проверку по делу Куцерубова в связи с указанием Главной военной прокуратуры СССР. Расследование длилось два года. Следователи установили, что в период работы Куцерубова в Сковородино по его инициативе сфабрикованы дела более чем на трехсот невинных граждан, из которых большинство расстреляли по постановлению хорхоринской тройки. Он вдохновлял, как выразился бывший его подчиненный, сотрудников горотдела на применение к арестованным всевозможных пыток, подавал личный пример, внушал молодым работникам необходимость применения незаконных методов. 16 сентября 1959 года бюро Воронежского обкома КПСС исключило Куцерубова из партии. В установленном порядке его лишили воинского звания и военной пенсии. Ему в то время исполнилось 58 лет.»

Из книги «Тревожные будни забайкальской контрразведки» А.В. СОЛОВЬЕВА, полковника госбезопасности в отставке, бывшего заместителя начальника Управления КГБ по Читинской области (М., Русь, 2002).

Орфография и пунктуация в цитируемых документах сохранена.

В тексте повести приведены подлинные имена действующих лиц.

Автор.

Чита, 1991 – 2010 гг.

НОЧИ ЗАПАХА КРОВИ

Содержание

1. Стучат не только колеса...	1
ИНФОРМАЦИЯ (1)	4
2. «Контрреволюционер с 17-го года, фашист и шпион»	8
ЖЕРТВЫ И ПАЛАЧИ (I)	14
3. «Контрреволюционер с 17-го года, фашист и шпион» (продолжение)	17
СВИДЕТЕЛЬСТВО–I	22
СВИДЕТЕЛЬСТВО–II	22
ЖЕРТВЫ И ПАЛАЧИ (II)	23
СВИДЕТЕЛЬСТВО–III	24
4. «Эпоха Малого Реабилитанса»	28
ИНФОРМАЦИЯ (2)	31
СВИДЕТЕЛЬСТВО–IV	33
ИНФОРМАЦИЯ (3)	36
Эпилог: ЖЕРТВЫ И ПАЛАЧИ (III)	42
СВИДЕТЕЛЬСТВО–V	44